

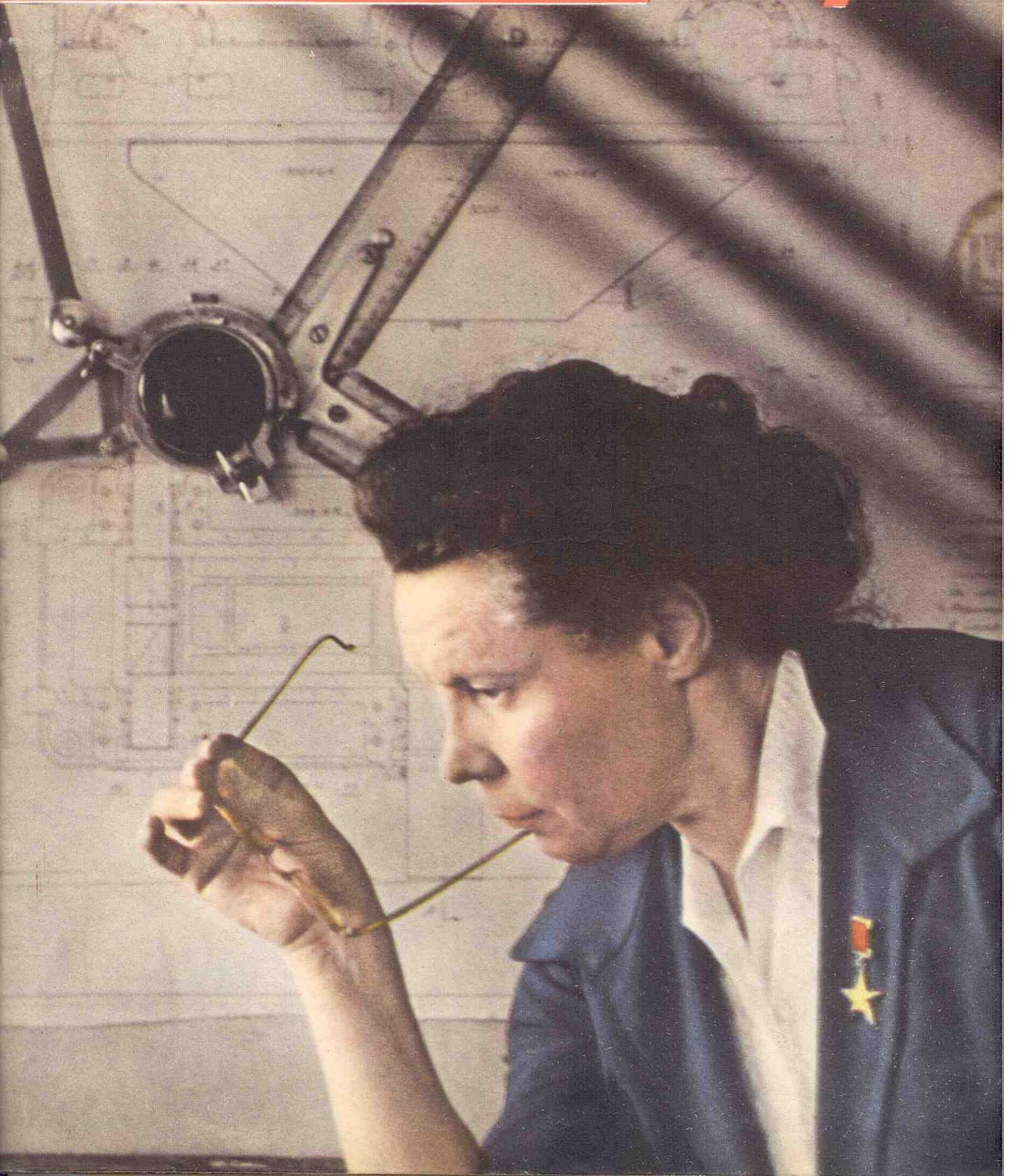

РАБОТНИЦА

С Е Н Т Я Б Р Ъ

1 9 6 3

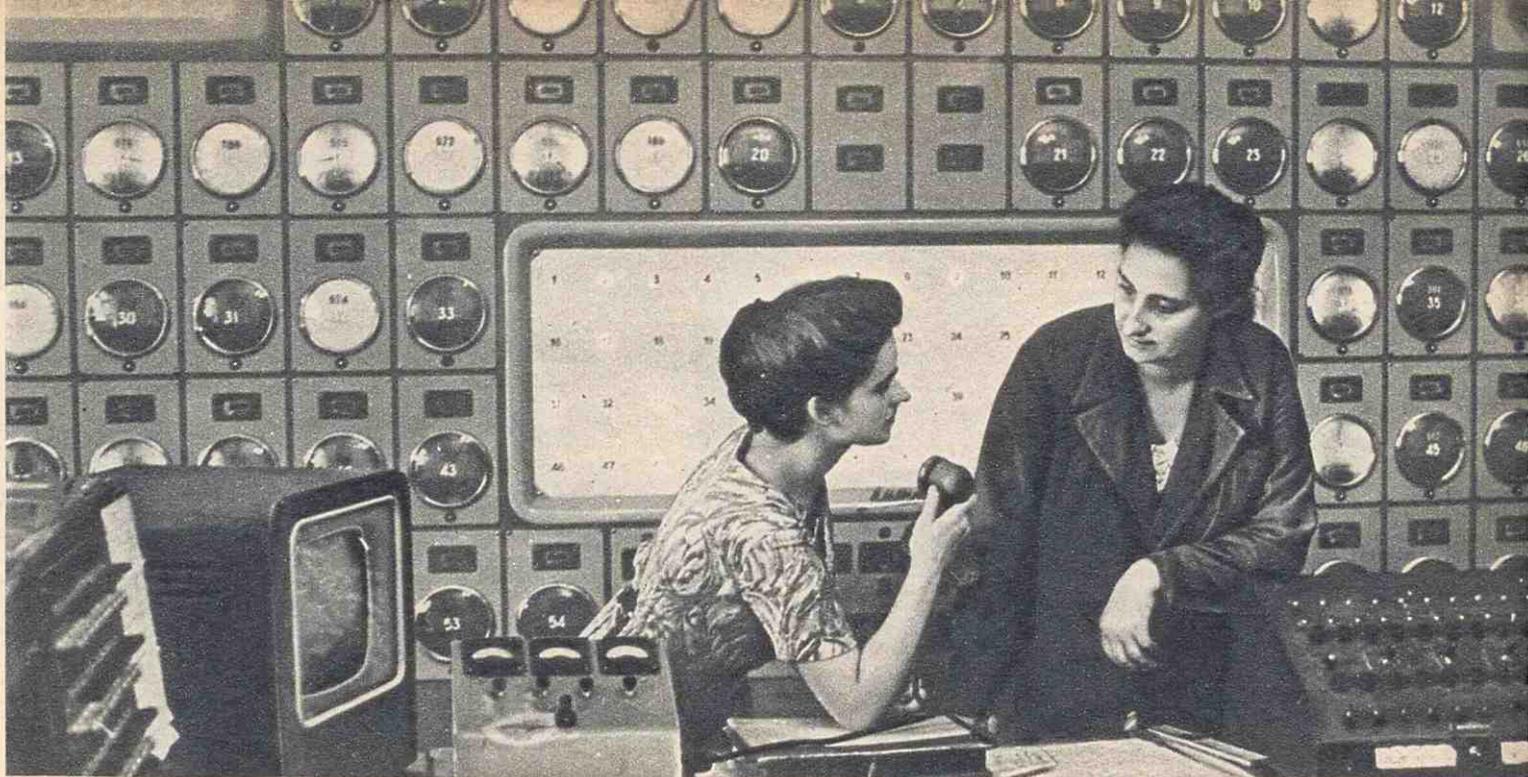
9

Начальник бюро типовой технологии Ново-краматорского машиностроительного завода Мария Ильинична Плехнова и слесарь-сборщик Иван Дмитриевич Назаров проверяют качество механической обработки шахтно-подъемной машины.

Фото Н. Маторина.

ОСОБЫЕ ЧЕРТЫ

А. ЛЕВИНА

...1929 год. Комсомол Таганрога послал на учебу «в счет комсомольской тысячи» работницу Клару Гуржиенко.

1962 год. Металлургическое общество Франции пригласило в Париж на свои «Осенние чтения» заместителя главного металлурга одного из крупнейших машиностроительных заводов СССР — Новокраматорского — Клавдию Федоровну Гуржиенко. Представители фирмы Ле-Крезо подарили «мадам Гуржиенко» на память о посещении их завода платок с изображением истории завода и его продукции — от первых паровозов до современных кранов. Если бы «мадам Гуржиенко» могла подарить представителям фирмы такой же платок, они увидели бы там турбины Братской ГЭС и шагающие экскаваторы, в создании которых она участвовала.

...1941 год. Директор одного из ленинградских военных заводов, раздумывая, кого бы назначить дежурным у пульта управления заводом вместо диспетчера, ушедшего на фронт, остановил свой выбор на Рае Стрельцовой. Всего три года, как девушка окончила школу ФЗО, а уже успела отлично поработать и токарем и контролером.

1961 год. Выставка достижений народного хозяйства СССР наградила серебряной медалью заместителя начальника одного из цехов Новокраматорского завода Раису Дмитриевну Стрельцову за внедрение в цехе электронного пульта управления.

...1943 год. Фрезеровщица завода автоматов Маша Плехнова уезжает на учебу. «Поезжай, — напутствуют ее товарищи, — сколько у станка отстояла, теперь учишься...»

1963 год. В Центральном научно-исследовательском институте технологии и машиностроения обсуждаются главы кандидатской диссертации начальника бюро типовой технологии НКМЗ Марии Ильиничны Плехновой. Ее диссертация, посвященная типовой технологии обработки деталей, вызывает большой интерес специалистов.

Гуржиенко, Стрельцова, Плехнова — только три из 2500 женщин — инженеров и техников Новокраматорского завода. Но эта цифра станет еще более значительной, если учесть, что НКМЗ — завод тяжелого машиностроения.

Раиса Дмитриевна Стрельцова — заместитель начальника механического цеха. Наш фотокорреспондент заснял ее у электронного пульта по автоматическому контролю и учету работы металлорежущего оборудования. Пульт — детище Раисы Дмитриевны.

Остановился в цехе станок — и на пульте останавливаются часы, загорается тревожным светом цифра. Она сообщает о причине простоя: 1 — нужен электрик, 2 — слесарь, 3 — надо доставить инструмент. И тотчас диспетчер Люба Сафонова объявляет по радио:

— Электрик, срочно подойдите к станку 715! Три четверти станков в этом цехе уникальны. Пульт помог сократить простои станков, и продукция цеха выросла в полтора раза.

Все, что делают на Новокраматорском заводе, огромно: если краны, то грузоподъемностью в 800 тонн; если прессы, то усилием в 10 тысяч тонн; если углеразмельняющие мельницы, то производительностью в 16 тысяч тонн угольной пыли в час; если турбинные отливки, то для турбин в 300 и 500 тысяч киловатт.

Здесь, на НКМЗ, я часто вспоминала разговор с итальянской работницей-швейницей. В клубе одного из московских заводов у доски почета ее познакомили с молодой женщиной-инженером. Мы долго пытались объяснить итальянке, что такое доска почета (вначале она думала, что это портреты владельцев завода), а потом ей показали портрет той самой женщины-инженера, что стояла с ней рядом. Правда, под портретом было подписано: «Работница». Доску почета оформляла полгода назад. За это время москвичка защитила диплом. Итальянка смотрела на нее с завистью и удивлением.

— Вы не верите, что я инженер? — спросила москвичка.

— Верю, — задумчиво сказала итальянская швейница, — я уже десять дней живу в СССР, и я верю! Но у вас совсем другие инженеры. У нас инженер не станет петь с рабочими в одном хоре, как вы. Или вот вчера мы были на швейной

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА 9

СЕНТЯБРЬ

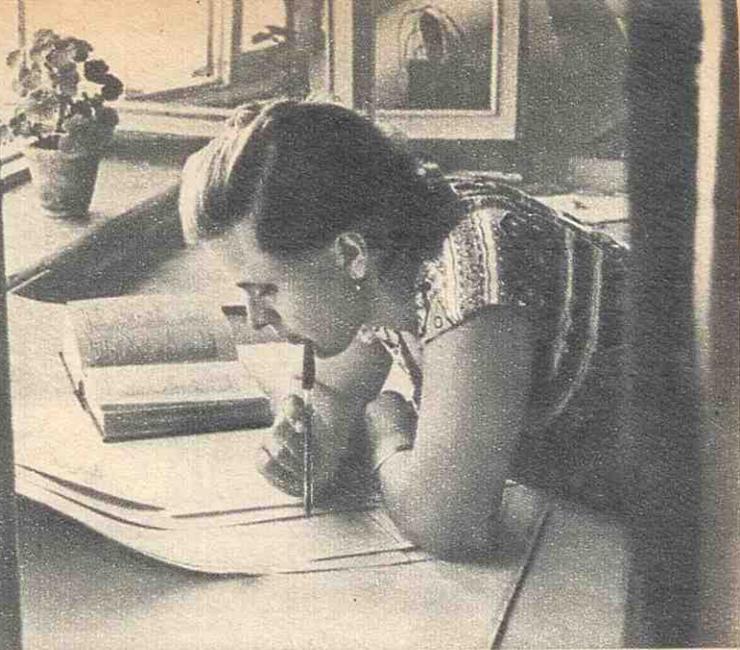
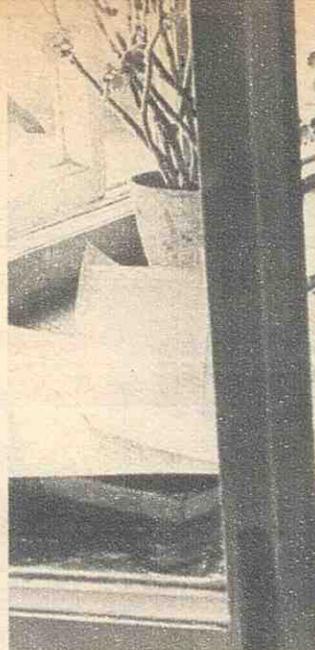
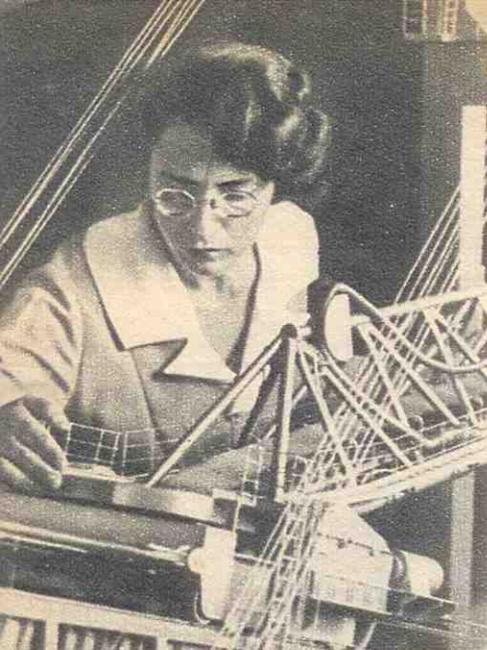
1963

Общественно-политический и литературно-художественный журнал

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОСНОВАН В МАРТА 1914 ГОДА

«ПРАВДА»

фабрике, такой же, как наша. Зашли в один цех. Как раз был обеденный перерыв. Девушки-работницы читали какую-то книжку с чертежами, а одна женщина им что-то объясняла. Я спросила, что они делают. Оказалось, что девушки готовятся к экзамену, а женщина-инженер им помогает и тратит на это свой отдых. Понимаете, у ваших инженеров не только технические обязанности — делать машины, у них есть еще какие-то другие обязанности перед рабочими... я не знаю, как это точно сказать...

Да, есть у советских инженеров особые обязанности — облегчать труд тех, кто стоит у станков, повести за собой к учебе, к знаниям.

Об этом говорим мы с председателем женского совета завода Анной Ивановной Тищенко. Анна Ивановна — инженер, ведущий конструктор, руководитель группы в отделе редукторостроения. Она проектирует шахтные подъемные машины большой мощности. Именно Анна Ивановна впервые применила в этих машинах «новиковское зацепление» (оно называется так в честь его изобретателя, авиационного инженера Новикова, а преимущество этого зацепления в том, что зубья новой формы позволяют вдвое увеличить мощность машин при том же весе). Она Герой Социалистического Труда.

Но никогда конструктор Тищенко не забывает, что была она здесь же, на заводе, ученицей ремесленного, слесарем-разметчиком, а потом студенткой вечернего института, технологом и дежуром первого заводского рабфака.

— Иногда слышишь, — говорит Анна Ивановна, — женсовет, мол, должен заниматься в первую очередь бытом. Неправильно это. Конечно, и бытом мы занимаемся. 18 детских завод построил, лагеря, дачи. Родительские конференции проводим и много еще чего. А все-таки и на заводе немало «женских» дел. Вот в решениях XXII съезда партии сказано: переводить женщин на более легкую квалифицированную работу, облегчать условия женского труда. Да разве может заводской женсовет стоять в стороне от этого? Сколько рейдов мы провели, проверяли, вовремя ли переводят беременных на легкую работу, добивались, чтоб на трудных участках женщинам в первую очередь ставили механизацию, помогали работницам, которые не справляются с нормой! Я активисткам цехов всегда говорю: «Если женщина бросила учебу на полдороге, значит, плохой женсовет в цехе, в отделе, значит, не помогли ей перейти в первую смену или устроить детей в садик».

Когда идешь с Анной Ивановной по заводу, сразу попадаешь в круговорот учебно-экзаменационных дел. Ей обязательно нужно узнать, сдала ли экзамен на подготовительный курс института бригадир станочниц Шура Шалашная и подала ли документы в 6-й класс свердловщица Катя Якута. У станка Якуты — новая ученица (седьмая за год), вчерашняя школьница Тася Огнева. Тут же, у станка, Анна Ивановна договаривается с девушками: Катя Якута будет учить Огневу сверловке, а Тася берет шефство над своей учительницей, помогает в учебе.

Да и потом, в другие дни, другие встречи в цехах раскрывают глубже этот первый разговор с Анной Ивановной.

* * *

Александра Васильевна Шнуркова, заместитель председателя женсовета цеха, ведет меня по второму фасоннолитейному.

— Первым делом покажу вам нашу малую механизацию, — говорит Шнуркова. — Малой она только называется, а в действительности — это ох какое большое дело!

Да, сколько раз на заводах приходилось мне видеть такую картину: обрабатывает детали станок-автомат, а к станку их работница таскает в фартуке. Или: надо прессовщице сделать двести деталей — двести раз она нагнется к полу за заготовкой. Ящик, подставка, тележка, — казалось бы, малые, несложные вещи, а о них забывают.

— И у нас обо всем этом говорили женщины на собраниях, записывали во всякие цеховые и заводские оргтехмероприятия, — рассказывает Шнуркова, — а в цехе все оставалось по-прежнему. И тогда мы, женсовет, вступили в бой.

Надо хоть немного знать биографию Шнурковой, чтобы понять, как нешуточно звучит в ее устах это слово — «бой». Уйдя на фронт в 41-м сандружинницей, она вернулась лишь в 45-м. Да, когда Александра Шнуркова произносит слово «бой», по одному тону ясно: она не привыкла отступать.

Женсовет провел в цехе свой рейд: облазили все закоулки, собрали предложения и пожелания женщин, что и где нужно сделать, чтобы облегчить труд. И потом попросили начальника цеха доложить о том, что делается для облегчения женского труда.

В тот вечер пришлось руководству цеха покраснеть и поволноваться под справедливым натиском работниц, предъявивших свой счет. Решение женсовета напечатали в цеховой стенгазете «Работница». Прошло полгода. И в какое бы отделение цеха мы ни вошли, Александра Васильевна неизменно начинает так: «Вот это сделано после рейда...»

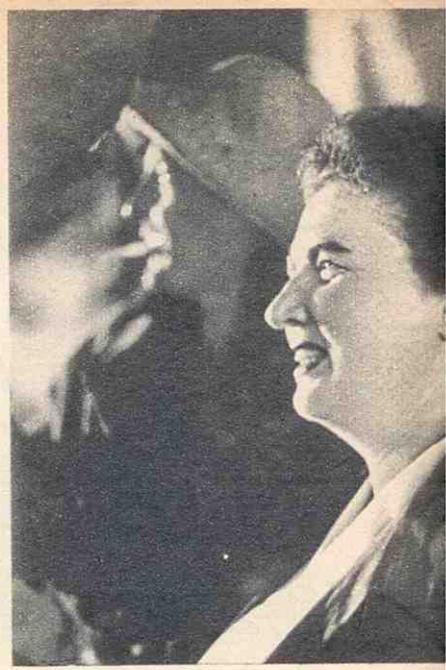
Бронзовое отделение. Раньше станочницы вдвоем, втроем с трудом поднимали втулку на станок. Теперь установили три кран-балки, и стоит девушке нажать кнопку подъемника — втулка уже на станке.

Стержневое. Недавно здесь целый день стучали молотки: каррасницы вручную гнули крючки для каррасоз. Все, что сделано здесь теперь, выполнено по предложению самих работниц: остроумное поворотное устройство — повернул круг с двумя шипами, и сразу согнут крюк под нужным углом — и множество других несложных приспособлений-помощников.

* * *

На вид это самый обычный, даже кое-где потертый работающий — станок для нарезки зубьев. Но послушайте, с какой застенчивой нежностью и лаской говорит о нем работница Рая Зубрицкая: «И вот стала я мечтать за тот зуборезный станок».

Рая уже десять лет как на заводе. Но зуборезщицей всего третий год. До этого семь лет работала экспедитором у меха-

На снимках (слева направо):

ника, попросту говоря, рассыльной: носила бумажки. Идет, бывало, Рая через цех, остановится за спиной станочницы и долго-долго стоит, смотрит, как деталь обнажается, блестящая, красивая. Вот тогда-то и стала Рая «мечтать за зуборезный станок». Она даже заявление написала и вместе с «входящими и исходящими» отнесла начальнику цеха. «Хорошо, — сказал он. — Переведем, когда представится возможность». Но шли месяцы, а возможность все не представлялась. То не было свободных станков, то в первую очередь принимали парней, демобилизованных из армии. И тут в дело вмешался цеховой женсовет.

— Почему Зубрицкую на станок не ставят? Боятся, что девушка не справится? Так мы ей поможем, — подступала к начальнику цеха председатель цехового женсовета Евдокия Политуча.

Учили Раю всем участком. И стала она квалифицированным зуборезчиком, начала перевыполнять норму. Скоро ощутила, что не хватает знаний. Трудно было решиться на учебу: перерыв-то большой. «Иди, Рая, учиться, поможем», — поддержала Политуча.

Теперь Рая Зубрицкая на втором курсе вечернего машиностроительного техникума. И не только сама учится, но и другим помогает: она профорг зуборезного участка.

Судьба Раи Зубрицкой вовсе не исключение. Лида Михальченко что-то взвешивает на точнейших весах в лаборатории, а недавно она продавала в цехе газировку. Валентина Вострикова командует на шихтарном участке краном, а прежде орудовала в цехе метлой... И каждая из них добрым словом вспоминает цеховой и заводской женсовете, товарищей женщин-инженеров.

Вот склонились над станком две головы в косынках, только одна чуть поцветастей и повязана пококлетливей: Зинаида Ерина учит Лиду Юрьеву, как быстрее сгнать деталь.

Я смотрю на них и вспоминаю слова Анны Извановны Тищенко: «Проверили мы, и выяснилось, что большинство не выполняющих нормы на заводе — молодые работницы. Собрали активисток цехов, опытных станочниц, посоветовались, решили: каждой молодой работнице — шефа из кадровых станочниц, пусть отвечает за подшефную до тех пор, пока та не начнет выполнять норму».

Просматривая билеты-приглашения на женские собрания НКМЗ, я обнаружила среди них один с ленинской цитатой. Думаю, не случайно выписала Анна Ивановна на приглашении именно эти ленинские слова. Она хотела, чтобы каждая женщина вчиталась, вдумалась в них, унесла с собой.

«Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником. Для этого надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством.

Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин». — «Управляя, научатся!» — великие слова, — говорит

В зале заседаний нового инженерного корпуса НКМЗ стоит огромная — во всю длину зала — блистающая алюминием и никелем действующая модель нового роторного экскаватора и отвалообразователя. Первый такой экскаватор уже установлен в Грушевском карьере Никополь-Марганца. Его обслуживают всего несколько человек: машинист, смазчик, механик, — но на этой удивительной машине они дадут добычу целого рудника.

Один из авторов этой машины — Ирина Михайловна Харахаш, заместитель главного конструктора завода.

У зуборезницы Раисы Зубрицкой начался учебный год.

Достаточно токарю Наде Бояковой нажать кнопку — и кран-балка подымет деталь на станок.

Заместитель главного металлурга Клавдия Федоровна Гуржиенко наблюдает за плавкой.

Фото Н. Маторина.

Анна Ивановна. — У нас на заводе много женщин-руководителей. И это хорошо. Но все-таки разве все сделано для выдвижения женщин? К сожалению, нет. Вот 13-й цех. Детали в нем мелкие, станочницы — сплошь женщины, а в руководстве ни одной женщины нет.

...Заседает женсовет завода. Я вглядываюсь в лица женщин. Теперь многих из них я уже знаю. Маленькая, хрупкая женщина в очках — Ирина Михайловна Харахаш, заместитель главного конструктора завода, один из авторов первого советского роторного экскаватора. Технолог Нина Анатольевна Канишевская, создатель новой оснастки и приспособлений для сборки, секретарь заводской группы содействия комитету партгосконтроля. И еще — инженеры, техники, мастера...

Казалось бы, очень трудно провести прямую линию зависимости между малой механизацией в фасоннолитейном и конструкторскими делами Тищенко и Харахаш, между переходом на станок Раи Зубрицкой и электронным пультом Стрельцовой, но она есть, эта зависимость. Именно потому, что в женском совете завода работают его ведущие инженеры, борцы за новую технику, вопросы облегчения труда работников, их роста и выдвижения — в центре внимания этого женсовета.

...Анну Ивановну Тищенко чаще всего можно увидеть у ее чертежного станка-кульмана с остро отточенным карандашом в руках — такой, как изображена она на обложке этого номера журнала. Сколько женских историй, порой радостных, порой горьких, выслушала она здесь же, у кульмана, сколько раз прямо поверх приколотых на доске чертежей редукторов ложились листки записок, бежали из-под твердого чертежного карандаша строчки: «Женсовет требует...» И в этом неразрывном единстве те самые особые черты советского инженера, о которых хотела сказать тогда итальянская швейница.

Ветер

Рассказ

О Наталье Сергеевне, директоре Глуховской школы-десятилетки, говорили по всей округе. Говорили, что ей всего двадцать четыре года и что она умна, даже талантлива и красива. В роно в один голос заявляли: у Галицкой несомненный педагогический дар, а пожилые учительницы называли ее «миллой девочкой». Ее приглашали на все совещания района и области. Надевая перед зеркалом белую короткую шубку, она на минуту закрывала глаза и представляла, как войдет в сверкающий зал совещаний, сядет в кресло, расстегнет «молнию» кожаной папки. Десять километров берегом Волги до районцентра были для нее наслаждением и пролетали незаметно.

За нею часто присылали машину, предварительно созвонившись по телефону, и отвозили обратно.

В областной газете в статьях на темы воспитания (редактор был из педагогов и часто давал такие статьи) непременно упоминалось ее имя, а когда в роно ругали какую-нибудь школу, обязательно советовали равняться на Глуховскую десятилетку.

Словом, начало педагогической деятельности складывалось для Натальи Сергеевны блестяще, и чувствовала она себя постоянно счастливой.

Она работала с утра до ночи. Много времени отнимали хозяйственные дела, устройство школы: колхоз был небогатый, и за каждую мелочь приходилось ругаться с председателем и особенно с бухгалтером, который обходил ее огородами и однажды жаловался в конторе, что ему приснилась директорша с ножом в руке. Наталья Сергеевна знала, что рано или поздно добьется своего, и всегда удивлялась: зачем так упрямится правление? И в конце концов как она хотела, так и получалось.

Квартировала она у бездетной вдовы Ступовой. В ее распоряжении была целая горница, окна которой выходили в огород. Весною и летом Наталья Сергеевна держала окна открытыми настежь, и даже в трескучие морозы у нее пахло ромашками, черемухой, горькой полынью. Горенка была всегда чисто прибрана, жарко вытоплена, и можно было сразу сказать, что здесь живет девушка. Порядок нарушался разве что огромным количеством книг на полках вдоль стен и на подоконнике. Занималась Наталья Сергеевна усердно, изо дня в день. Она протудировала всего Макаренко, выписывала специальную литературу, много читала о педагогическом мастерстве. О своих способностях она была невысокого мнения и всегда краснела и опускала глаза, когда ее хвалили. Наталья Сергеевна лишь чувствовала, что эта работа — ее призвание и что она счастлива.

И сейчас, собираясь в роно делать доклад, она представляла, как поднимется на трибуну и скажет очень серьезно:

— Товарищи!..

И ей было весело и легко на душе.

Из роно позвонили и извинились за то, что не смогут приехать на машину, и Наталья Сергеевна пошла пешком.

На ногах у нее были короткие меховые сапожки, туго обтягивающие икры, теплые, удобные и белые, как шубка. Снег весело визжал под каблуками.

За околицей вдоль высокого берега Волги широкой изжванной бороздой тянулся большак, но Наталья Сергеевна пошла рядом по стежке, протоптанной школьниками — смельчаками из окрестных деревень — над самым обрывом. Она всегда ходила по этой стежке: большак скучный, ровный, однообразный, а здесь идти веселее.

Было ветрено, щелкала плотная юбка, мороз покалывал ноги сквозь капрон, но холода Наталья Сергеевна совсем не чувствовала. Глаза ее блестели, щеки похлывали, тугие кольца волос, выбившиеся из-под ушанки, заиндевели. Все ей казалось сейчас очаровательным: и огромная, бугристо-замерзшая Волга, и деревеньки на том берегу, и даже то, что в грудь упруго толкал ветер и покалывало ноги. Напевая что-то, она

смотрела вниз, от высоты кружилась голова. Почему-то вдруг вспомнилась фраза: «Ах, как кружится голова, как голова кружится». И она произнесла ее громко, с чувством, слегка нараспев и расхохоталась.

А день искрился, румянился, звонкий, чуткий, дымчатый. Солнце стояло высоко, как летом, и плавилось в небе, и казалось странным, что оно не печет.

На Волге, по санной дороге тянулся обоз. Поскрипывали полозья, лошади шли ходко, взбрыкивая, и Наталья Сергеевна, услышав их сытое пофыркивание, подумала, что они тоже рады и морозу, и солнцу, и прогулке. Возницы кричали им что-то веселое, взмахивая кнутовищами.

Вдруг лошадиный храп раздался совсем рядом. Наталья Сергеевна вздрогнула и обернулась: по большаку ее догоняли сани, запряженные высоким гривастым красавцем скакуном с белой отметиной на лбу. Она узнала скакуна: это был колхозный «почтарь» Витязь.

Когда Витязь поравнялся с Натальей Сергеевной, она увидела в санях возницу с кнутовищем в руке, завернутого в овчинный тулуп.

Сани остановились на полном ходу, и кованые полозья за визжали. Витязь затанцевал на месте, оскалив зубы и негдоюще глядя на белую шубку.

— Подвезти, ай пешком пойдете? — степенно осведомился возница.

Это был Сенюшкин из 6-го «А», «трудный мальчик», как говорили о нем учителя. Не по годам рослый, плечистый, с большим шишковатым лбом, он вечно был хмурый, молчаливым, недобро посматривал на людей. Ходил он вразвалку, косолапая. Зимой и летом носил огромные сапоги, много раз латанные, но крепкие, негущиеся.

Был Сенюшкин способным, живо схватывал все на лету, но учился неважно — учителя считали, что он «с ленцой». Отвечал он не так, как многие, скороговоркой передавая то, что осталось в памяти. К доске он выходил не спеша, без страха и говорил нараспев, сильно нажимая на «о» — ни дать ни взять степенный мужик-волжанин.

— Подвези, Сенюшкин, подвези, мальчик, — сказала Наталья Сергеевна, усаживаясь на мерзлую солому и натягивая на колени юбку. Отказ она сочла бы непедагогичным.

Сенюшкин заворочался и вытащил из-под себя коровью шкуру.

— Укутайте ноги. Прозябнут.

— Озябнут, — поправила Наталья Сергеевна. — Спасибо.

Сенюшкин взмахнул кнутовищем и хрипло, по-взрослому прикрикнул на лошадей:

— Пошел, дьявол горемычный!..

Наталья Сергеевна привычно хотела поправить: «горемычный» и «дьявол» никак не вязались между собой, но почему-то промолчала.

Витязь вихрем взял с места и пошел крупной иноходью. Ветер туго зазвенел, рванулся назад и стал настолько ощутимым, что Наталья Сергеевна тила его, как воду. Витязь исчез в облаке снежной пыли; в лицо, на одежду, на передок из-под копыт полетели сыпучие комья. Сенюшкин, насупившись, мрачно глядел на дорогу и замолчал, как видно, надолго. «Тяжелый мальчик!» — подумала Наталья Сергеевна и, чтобы не молчать, спросила:

— Ты встречать кого-нибудь едешь?

Сенюшкин подумал немного и ответил:

— Нешто председатель для этого лошадь бы дал? У него зимой снега не выпросишь. Почту я вожу.

— Как возишь?

— Обыкновенно, после школы. Одной мамке-то трудно такую ораву прожормить.

— Я не знала... Но почему одной? А отец?

Наталья Сергеевна прекрасно помнила, что по документам у Сенюшкина были и мать и отец.

Сенюшкин в раздумье поднял бровь и, опять недолго помолчав, ответил:

— Проку-то от отца что? И дома жил, все пропивал — не напасешься.

— Пил?... Я не знала. А где он сейчас?

— С Семенихой, буфетчицей, снюхался. У нее и живет.

И этого Наталья Сергеевна не знала.

Витязь споткнулся в беге и пошел шагом, припадая на левую сторону.

— Устанешь у меня! — строго прикрикнул Сенюшкин и, развернувшись, полоснул концами воюющей по парящему гладкому крупу. — Разжирел, в поле бы тебя... Пшел, идо-оли!

Витязь перешел на рысцу без всякого удовольствия.

На отлете, на огромной лысой горе, открытой всем ветрам, показалось Гурееву, до райцентра отсюда считалось три километра. Большак спустился на реку и слился с санной дорогой. Ветру было просторно, вольготно, и он учинял здесь настоящий разбой. В заводях там и сям чернели проруби. По обледенелым дорожкам, сбегаящим с откоса, шли женщины, погромыхивая пустыми ведрами.

Наталье Сергеевне стало не по себе. Тугой, свистящий ветер, который она недавно пила с таким наслаждением, хлестал по лицу, полаханье снегов раздражало, глазам было больно. Она начала мерзнуть и зябко подергивала плечами.

Сенюшкин вдруг вскрикнул неожиданно звонким мальчишеским криком и кубарем скатился с саней. Выше колен проваливаясь в сугробах, он побежал вперед и упал пластом, разметав тулуп по снегу, — и в ту же минуту Наталья Сергеевна увидела беляка. Он выскочил из-под Сенюшкиного тулупа и, почти не касаясь насти, запрыгал к яру. Сенюшкин

продолжал лежать в нелепой позе, пока беляк не скрылся из виду.

— Ушел! — сокрушенно сказал он Наталье Сергеевне.

Мужицкая степенность совсем исчезла с его лица; казалось, минута — и он расплчется.

— Я не знала, что зайцы так не боятся людей, — сказала Наталья Сергеевна.

— Нет! Они пугливые... — возразил Сенюшкин, трогая лошадь. — Весной и летом они ни за какие деньги близко не подпустят. А зимою жиреют, пошевельтись лень. Я прошлый год одного так голыми руками поймал!

Она хотела спросить, очень ли трудно работать почтальоном и заниматься в школе, но вдруг осеклась: имени его она не знала. «Как... даже этого?»

Будто тисками сдавило виски. На мгновение ей показалось, что и в работе своей да, наверное, и в жизни она пропустила что-то очень важное, чуть ли не самое основное, и что все то, что она делала раньше, было в лучшем случае подготовкой к этому основному.

«Но зачем тогда это глупое самодовольство?» — подумала Наталья Сергеевна.

Ответа не было.

И еще она подумала о том, что в роно, в сущности, сидят успокоившиеся люди.

— А на Покровском выгоне стая ворон живет, — услышала она голос Сенюшкина. — Одна ворона белая-белая, как снег, как ваш тулуп. Все говорят, что это какая-то другая птица, не ворона, а я точно знаю, что ворона, потому что в книжке за седьмой класс про это сказано.

В ложбине у поворота Волги показался районный центр. Витязь, почуяв скорую передышку, встрепенулся, мотнул гривой и перешел на галоп. Степь горела ярко, четко, ветер свистел, звенел, щелкал, но Наталья Сергеевна смотрела на тот берег и не чувствовала теперь ни холода, ни ветра.

— Приехали, Наталья Сергеевна, — сказал Сенюшкин, спрыгивая на снег.

— Что? — очнувшись, спросила Наталья Сергеевна. — Ах, да! Приехали.

Здание роно стояло рядом. Она поднялась с саней, чувствуя вместо ног какую-то упругую, гудящую резину. Потом опять зачем-то села на мерзлую солому. Потом расстегнула «молинию» кожаной папки и вытащила исписанные изящным почерком листки доклада. Фразы были построены безукоризненно, легко, стройно, но смысла написанного она никак не могла понять. Листки трепетали на ветру, рвались из рук; один из них упал на снег, но Наталья Сергеевна не обратила на него внимания.

...В коридоре роно стоял знакомый запах чернил и слежавшейся бумаги. Совещение уже началось. Наталья Сергеевна открыла дверь и вошла в зал, полный народу. Раньше, когда она входила в этот зал, все у нее кружилось перед глазами и куда-то плыло в сладком тумане. Сейчас тумана не было, и лица слушателей были четкими.

Петр Михайлович, заведующий роно, тучный, лысый человек, приветливо улыбнулся ей из президиума. «Зачем он улыбается?» — подумала она. Докладчик уткнулся в бумаги и монотонно читал; Наталья Сергеевна никак не могла понять, что он читает, а только слышала: «Бу, бу, бу...»

Она вышла обратно в коридор и остановилась в нерешительности. Кто-то в зале задвигал стулом и пошел к выходу. Она обернулась. В дверях показался Петр Михайлович.

— А!.. Заждался, заждался, голубушка. Что не проходите? Он всегда встречал ее такими словами, и это льстило ей, но сейчас она вздрогнула, будто услышала насмешку или грубость.

— Петр Михайлович, — проговорила она. — Я к докладу не готова. Извините. — И быстро пошла к выходу.

Витязь стоял на прежнем месте весь в стылой, белесой изморози. Наталья Сергеевна села в сани и сидела так в глубокой задумчивости. Очнувшись она оттого, что громко хлопнула дверь. На пороге почты стоял Сенюшкин с огромным, часто обшитым сургучовыми печатями мешком.

— Вы со мной? — остановился он в недоумении.

— С тобой, — ответила Наталья Сергеевна.

Рисунки А. Лурье.

ПОТОМУ ЧТО Я-ЧЕЛОВЕК

Б. СТРЕЛЬНИКОВ

Из записной книжки журналиста

31 июля 1963 года.

Негры, пуэрториканцы и белые пикетируют строительство крупного медицинского центра в Нью-Йорке. Они требуют, чтобы администрация строительства отказалась от расовой дискриминации при найме на работу. Каждое утро у строительной площадки собирается тысячная толпа пикетчиков. В руках у них плакаты: «Двадцать пять процентов рабочих мест — цветным!»

Почти каждый день происходят стычки с полицией. Дело в том, что пикетчики стараются остановить строительство и тем самым заставить администрацию выполнить их требования. Люди ложатся перед колесами грузовиков со строительным материалом. Чтобы полиция было труднее убирать их с дороги, люди сковывают себя цепями по десять, по пятнадцать человек.

За первую неделю пикетирования здесь было арестовано около пятисот мужчин и женщин — негров, пуэрториканцев, белых. Но на смену увезенным в тюрьму приходят все новые и новые люди.

Сегодня я встретил здесь Джоэн Р. Вместе с другими она сидела у ворот строительной площадки. Они загородили дорогу огромному бульдозеру на гусеничном ходу. Было мгновение, когда я с ужасом подумал, что бульдозер раздавит их. Но бульдозер остановился. Старик водитель вышел из машины, закинул свою кепку в кабину и, чертыхаясь, направился прочь.

— Пошел ты к дьяволу! — крикнул он подрядчику, который уговаривал его вернуться. — Я рабочий человек, а не убийца.

Потом полицейские специальными кусачками

расковали пикетчиков и увезли их в тюрьму. Увезли и Джоэн.

Я уверен, что настанет день, когда какой-нибудь американский художник напишет картину, воспевающую братство белых и черных американцев. На картине будут изображены люди, скованные одной цепью. Здесь будет плечистый негритянский юноша в темных очках; молодая пуэрториканка с красной розой в черных волосах; старуха негритянка в разорванном на плече платье; белая, коротко стриженная, тоненькая девушка с большими карими глазами — Джоэн Р., студентка Нью-Йоркского университета.

Я вспоминаю прежние наши встречи с Джоэн.

7 мая 1961 года.

Только что вернулся со студенческой вечеринки, на которую меня пригласили знакомые. Как всегда, у студентов было шумно и весело. Хозяин комнаты познакомил меня с Джоэн Р. Ей восемнадцать лет. Учится на первом курсе. Тоненькая, хрупкая, совсем еще подросток.

Здесь были белые и негры. Мне рассказали, что все они члены студенческого комитета ненасильственных действий. Борются за предоставление неграм равных прав с белыми. Одна из форм этой борьбы — участие в «сит ин», в так называемых сидячих забастовках.

Делается это так. Кафе в каком-нибудь маленьком южном городке. Неграм сюда вход запрещен. Негры это знают и никогда не заходят сюда. Так было всю жизнь. Но вот в это кафе неожиданно входят негритянские юноши и девушки и садятся за свободные столики или на вра-

щающиеся стульчики у стойки. Хозяин потрясен. Потрясены и посетители. Хозяин требует, чтобы негры ушли. Они не уходят. Официанты с помощью белых посетителей, а иногда и с помощью полицейских избивают их и вышвыривают на улицу.

Но это только начало. Через минуту в кафе входит другая группа негров. Не успевают выбросить этих, как входят новые. И так постоянно, изо дня в день, из месяца в месяц. Многие белые перестают посещать это «проклятое» кафе. Хозяин теряет клиентуру, а следовательно, и доходы. Перед ним три выбора: сдаться и начать обслуживать негров наравне с белыми (доходы от этого не уменьшатся, потому что негров в этом городе порой больше, чем белых), продолжать упорствовать и терять доходы или закрыть кафе и переехать на новое место.

В последнее время к неграм примкнули белые студенты. Если их друзей-негров выбрасывают из кафе, белые садятся у дверей и своими телами закрывают туда вход посетителям.

Когда Джоэн впервые пришла в комитет, к ней отнеслись там с недоверием.

— Уж очень ты хрупкая, — сказал ей негритянский парень. — Ты заплачешь, если тебя ущипнет какой-нибудь расист.

— Не заплачу! — пообещала Джоэн.

— Девочка, ведь тебя будут бить, понимаешь ли ты это? — пытался убедить ее негр.

— Я дам сдачи, — упрямо твердила Джоэн.

— Тебе будут ломать пальцы...

Джоэн протянула ему свою маленькую ладошку.

— Сломай мне один палец, и ты увидишь, что я даже не вскрикну.

— Тебе будут плевать в лицо...

— Знаю.

— Тебя будут тащить по земле за волосы...

— Вытерплю.

— Тебя будут называть негритянской любовницей, будут оскорблять тебя самыми грязными словами...

— Я готова и к этому.

— Можно задать тебе последний вопрос, Джоэн? Почему ты решила на это?

— Потому что я — Человек.

12 июня 1962 года.

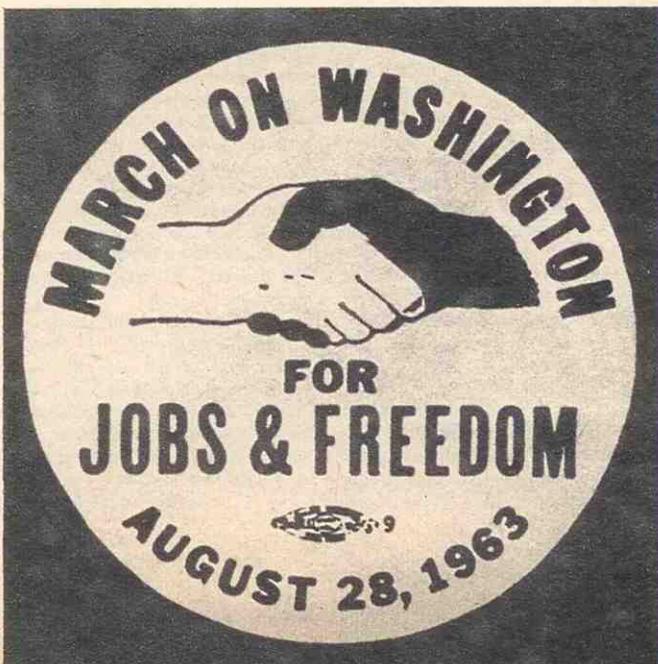
Сегодня звонила Джоэн. Она только что вернулась из штата Джорджия. Говорит, что левая рука в гипсе, а правая обожжена кипятком.

— Мы сидели у стойки кафе с негритянской девушкой, — рассказы в а ла она. — Было уже довольно поздно. В кафе, кроме нас, сидели несколько белых. Они орали и улюлюкали, но не трогали нас. Одна дама все время кричала мне: «Расскажи, красочка, как ты спишь с черномазыми! Давай, давай, выкладывай, не стесняйся!»

А вокруг гоготали мужчины и сопляки-мальчишки. У меня все клокотало внутри. Фреда, моя подруга, негритянка, молча погладила меня по руке, и

Эмблема похода с надписью: «Марш на Вашингтон. За работу и свободу. 28 августа 1963 года».

Из американской газеты «Уорнер».

Весь мир облетела весть о походе на Вашингтон. Двести тысяч человек — черных и белых — пришли сюда, чтобы потребовать прекращения расового угнетения и эксплуатации двадцати миллионов негров Соединенных Штатов Америки. Участники похода поклялись, что не прекратят борьбы до тех пор, пока не добьются победы.

Фото Пренса Латина — ТАСС.

этого было достаточно, чтобы я сдержала себя.

Потом, видимо, им наскучило гоготать, захотелось чего-нибудь поострее. Надо полагать, что они изрыгнули из себя весь запас грязи и непристойностей, который накопился в их мутных душах, и на дне этих душ осталась только звериная ненависть, которая не давала им ни минуты покоя.

Дама подошла к нам, взяла со стойки банку с горчицей и вылила ее на голову Фреды.

— Тебе нравится, детка, эта помада? — кривлялась дама. — Она так идет к твоим курчавым черным волосам. Еще подлить?

Фреда не пошевелилась. Это окончательно вывело из себя негодяев.

— Ах, они не желают разговаривать с нами! — орал какой-то тип с лошадиным лицом. — Тогда мы поговорим иначе. Официант, принеси-ка мне, пожалуйста, чайник, да погорячее. Я хочу угостить девочек чаем.

Официант поставил перед ним алюминиевый чайник, из которого шел пар. Я заметила, как сжалась Фреда. Тип с лошадиным лицом поднял чайник и приказал нам:

— А ну, уберите руки со стойки!

Мы не пошевелились. Я почувствовала, как дрожат мои руки. Хотела их убрать. Но потом я подумала, что это будет воспринято как наша капитуляция. Только бы он не заметил, как мне страшно, как мне хочется вскочить и убежать! Только бы он этого не заметил...

— Уберите руки, или я превращу их в вареные макароны!

...Только бы он не заметил, как дрожат мои руки.

— Я ведь не шучу, деточки!

...Как тихо в кафе! За спиной сопят мальчишкимолокососы. Наверное, и им стало страшно. А может быть, просто ждут не дождутся... Носик чайника наклоняется все ниже, ниже.

— Последний раз говорю! — рявкает лошадиная морда.

— Оставь их, Джо, — делает шаг вперед бледный хозяин кафе. — Оставь их, парень... Они еще почти дети...

Страшная боль впивается в мою правую руку. Кипяток льется из носика чайника непрерывной струей. Дико кричит Фреда. Я успела увидеть, как хозяин бросается на лошадиную морду, пытается вырвать у него чайник, кипяток хлещет им на ноги.

Темень застилает мне глаза...

— А вот как правая рука оказалась сломанной, не помню, — закончила свой рассказ Джоэн. — Может быть, я сломала ее, когда падала со стула. Вы ведь знаете, мистер Стрельников, какие высоченные стулья у стоек у нас в кафе.

7 мая 1963 года.

Сегодня газеты сообщают о том, что полицейские штата Миссисипи арестовали 12 студентов — белых и черных, совершающих поход в честь почтальона Мура, убитого расистами в этом штате в прошлом месяце. Среди арестованных Джоэн.

Вчера при аресте юношей и девушек полиция впервые применила к людям «проуд полс». Что такое «проуд полс»? Это такая металлическая трубка, длиной не больше двух метров. На одном конце трубки — высоковольтная портативная батарея, на другом — усик из проволоки. Из батареи к усикам идет ток высокого напряжения, но малой силы. До сих пор «проуд полс» применялись только на бойне да на железной дороге. Ими загоняли скот в вагоны, ими гоняли скот по

коридорам бойни. А теперь это применено к людям.

Рассказывают, что юноши и девушки корчились от ударов тока, когда полицейские хлестали их «проуд полс», загоняя в тюремный автомобиль. Многие падали на землю и бились в конвульсиях.

Один журналист, удивленный всем виденным, попросил полицейского, чтобы тот разрешил ему, журналисту, на себе испытать «проуд полс».

— Едва полицейский коснулся меня этой проклятой трубкой, — рассказывает журналист, — как я конвульсивно подпрыгнул на метр или на два метра в высоту. Мне показалось, что глаза мои выскакивают из орбит, а язык полез в горло.

Полицейские, арестовавшие юношей и девушек, хлестались тем, что они, полицейские, будто бы «спасли» участников похода от расправы со стороны расистов. Судя по сообщениям тамошних корреспондентов, до расправы было действительно недалеко — толпа размахивала палками, цепями и бейсбольными битками и вопила: «Смерть этим коммунистам! Смерть черномазым! На виселицы белых предателей!»

Полицейский начальник сказал журналистам, что основная ярость толпы была направлена против белых участников похода. «Вы знаете, как в нашем штате, — сказал он, поигрывая хлыстиком. — Если негров просто бьют, то их белых защитников избивают до смерти».

5 июля 1963 года.

Только что звонила Джоэн. У нее печальный голос.

— Вы помните Фреду, о которой я вам рассказывала? — спросила Джоэн. — Неделю назад ее изнасиловали в тюрьме. Я получила от нее письмо. Она пишет: «Прощайте, мои дорогие друзья! Я обнимаю тебя, мой милый, мой храбрый Человек. Спасибо тебе. Не ищите меня...»

Я услышал, что Джоэн плачет.

— Трудно быть Человеком, Джоэн, — сказал я первое, что пришло мне в голову.

— Трудно, — услышал я на другом конце провода. — Трудно, но надо!

Нью-Йорк, август, 1963.

Татьяна ГЛИНКА

Женщина в космосе

В космосе женщина!
Женщина в космосе!
Наша,
Родная,
Среднеполосная —
Из Ярославля!
Ну самая своякая!
Там ее юность прошла
комсомольская...

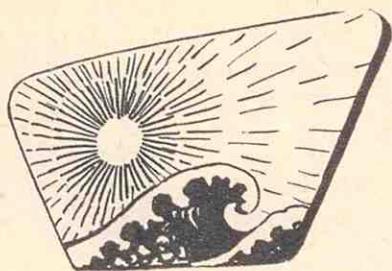
Из мироздания, издавека,
Через бесправие, через века
Глянула женщина чуть свысока
На миллионы земных мужчин,
И улыбнулась, и сдунула дым
Мифов, пословиц, сложившихся
мнений,
Будто мужчина сильнее уменьем.

Шел дождь...

Шел дождь...
О нет! Работал дождь,
Бросая окна в пот и в дрожь,—
Дождь молотил,
Дождь плотничал,
Дождь трамбовал обочины,
Как сто чернорабочих...
Шел дождь...
Летел!
Поспеть хотел
Сработав сразу сотню дел —
Как на рысях, зацокал он
По крышам и по стеклам!
Спешил, спешил,
Швеею шил,
Горячий воздух прострочил,
В сто рук иголкой работая...
Он травмам баню закатил,
Березы добела отмыл,
Грибы растил,
Студил,
Поил...
Как полно этот дождик жил,
Всего себя расходуя!

Но вдруг по лужам, по кустам
Морзянкой, шепотком: не дам..
Не дам, не дам... Все вам и вам
А вдруг
Всего
Себя
Раз-
дам?..
И кончился. И нет дождя.
Приник, притих — и нет дождя.
Ушел в себя — и нет дождя.

Тебе ли, мне ли — та же честь:
Расходуешься — значит, есть.
Ушел в себя — и нет тебя...
Как отшумевшего дождя.

Эмилия БОЯРШИНОВА

В открытом море

Подальше от пляжей, бездумных
и ярких,
Туда, где штормы до срока молчат
Я уплываю на легкой байдарке,
У пирса мне выданной напрокат.

Меня друзья упрекают в беспечности
Моего возвращенья с тревогой ждут
А я...

Здравствуй, море!
Из твоей вечности
Удели мне, пожалуйста, несколько
минут.

Вот мы и встретились...
Слушай, море,
Подержи мои весла и рядом плыви!
Не хочу я сегодня с волнами спорить
И не стану тебе признаваться
в любви.

Я вихры твои ленные трогаю,
А ветер их рвет и хочет умчать...
Я пришла со своей тревогою
К тебе,
огромному,
помолчать.

Так ли живу, как сердцем хотела я,
Когда серьезна, когда весела?
А может быть, все, что я в жизни
делаю,
Все — как след на воде весла?

В жизни, в этой короткой повести,
Обидно поддаться легкой волне.
Я у тебя учусь суровости,
Великой щедрости и глубине.

Волны качаются зыбью белой,
Шторм из глубин вызывает на бой...
Я только что страх в себе одолела
И снова стала сама собой.
Встреча с тобой — как второе
рождение,

Словно я у начала начал.
Я у тебя учусь снисхожденью
Ко всяким жизненным мелочам.

Девятый вал в мою лодку метит.
Вода, как жизнь, солонна на вкус.
Но будет, будет попутный ветер,
Если корабль твой имеет курс!

В открытом море одной рискованно,
Но только здесь можно так решить:
Жить —
так жить широко, раскованно!
Петь —
так петь из глубин души!

СТУДИЯ ЮНЫХ

Если вам доведется побывать в Армянском переулке столицы, вы непременно услышите горделиво сказанное: «У нас в переулке...».

Этими словами начала разговор со мной и скульптор Анастасия Александровна Лысенко, художавшая, невысокая женщина, с паутинкой морщин на добром, усталом лице. Анастасия Александровна с удовольствием перечислила добрый десяток художественных и технических кружков на общественных началах, созданных при ЖЭК-9 Бауманского района столицы. Анастасия Александровна и сама ведет на общественных началах студию изобразительных искусств.

Двадцать четыре человека — учащихся 313-й и 612-й школ — в возрасте от семи до четырнадцати лет вот уже семь месяцев каждый вторник (а на самом деле чуть ли не ежедневно) с помощью своей наставницы обучаются трудному искусству лепки.

— Занимаемся мы в специальном помещении, — рассказывает мне скульптор. — И очень признательны начальнику ЖЭК-9 В. И. Романову, общественникам-пенсионерам Ф. Л. Черненко и П. Г. Хазанову, которые сделали все, чтобы у нас были необходимые условия для работы. Но ребята частенько приходят и прямо в мою мастерскую, благо это по соседству. Они охотно наблюдают за тем, как я работаю.

А у Анастасии Александровны есть чему поучиться. Скульптору 61 год. Больше половины жизни отдано творчеству. Ее работы, посвященные А. П. Чехову, мраморный портрет «Оля», скульптура «Первая книга» и многие другие широко известны в стране. И когда у общественников Армянского переулка возникла мысль открыть студию изобразительных искусств, руководители МОСХа, куда они обратились за помощью, рекомендовали им коммунистку А. А. Лысенко.

Разные дети занимаются в студии, непохожие по характеру, склонностям и привычкам.

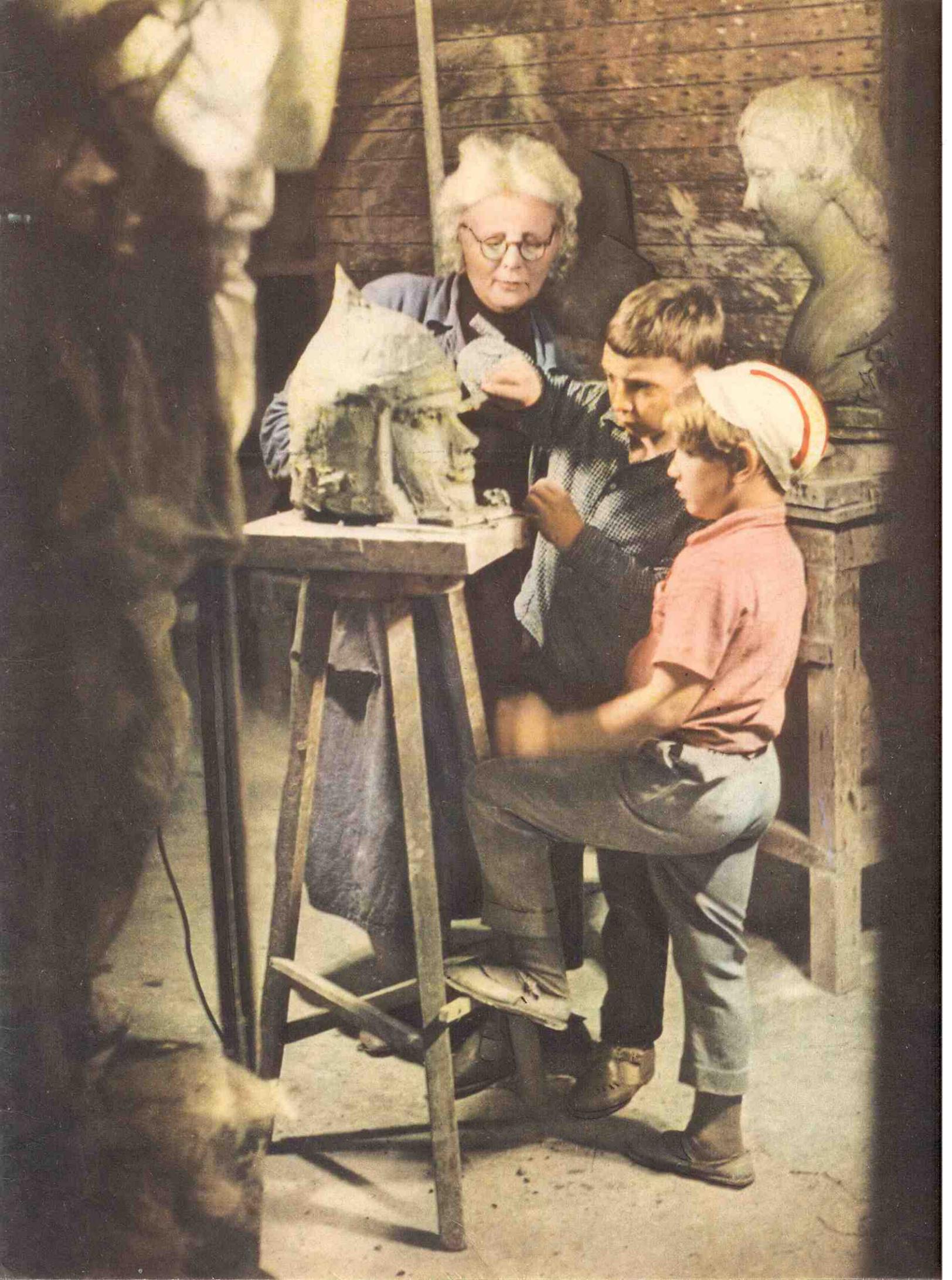
— Есть среди них и озорники... то есть были, — поправляется Анастасия Александровна. — Но сейчас они настолько увлеклись делом, что их и не узнать. Я совсем не думаю, что все мои ученики станут скульпторами, да и не ставлю перед собой такой задачи. Мне хочется научить детей трудиться, привить им любовь к высокому реалистическому искусству, научить их художественно мыслить, и, конечно, буду стараться не упустить истинного дарования. Если бы каждый из нас, художников, музыкантов, артистов, уделял детям часть своего времени, то у нас, я в этом абсолютно уверена, не было бы досадных брешей в художественном воспитании молодежи. Ведь искусство — одно из действенных средств формирования мировоззрения человека.

Мне остается присоединиться к сказанному Анастасией Александровной и пожелать ей и ее питомцам больших успехов.

Р. МИНАСОВ

С огромным увлечением работают над своими скульптурами юные ваятели — ученики Анастасии Александровны Лысенко.

Фото Н. Маторина.

Взвук БАЙКАЛА

Мирослав БУЖКЕВИЧ

Фото автора.

Да, все это было.

Была здесь тысячелетняя тайга, в которой разносились трубные голоса лосей да медвежий рев. Сосны полчищами сбегались к самой воде, будто хотели перейти реку вброд, встать в ней стеной и преградить ей путь.

Несла миллионы лет река свои быстрые ключевой чистоты воды. Не только сосны, даже пояса диабазовых скал не могли остановить ее бега на север, к Енисею.

И вот пришел Человек. Он давно уже готовился к этому дню. Но у него было много дел в других краях. Он строил и воевал, воевал и строил. Когда окрепла страна, он шагнул сюда, в тайгу, к ревущему порогу.

Сначала Человек был одет в сапоги, брезентовую робу, накомарник. Он обшарил тайгу, заглянул в недра земли, измерил скорость воды, словно определяя крепость ее мускулов. Потом стал рвать аммонитом скалы, валить сосны, прокладывать дороги, ставить дома. А затем надел комбинезон, сел за рычаги экскаватора, встал у пульта автоматического бетонного завода, поднялся в кабину портального крана. И сделал то, что оказалось не по плечу всем силам природы, — поднял над рекой стену железобетона высотой в сорокэтажный небоскреб и остановил бег реки.

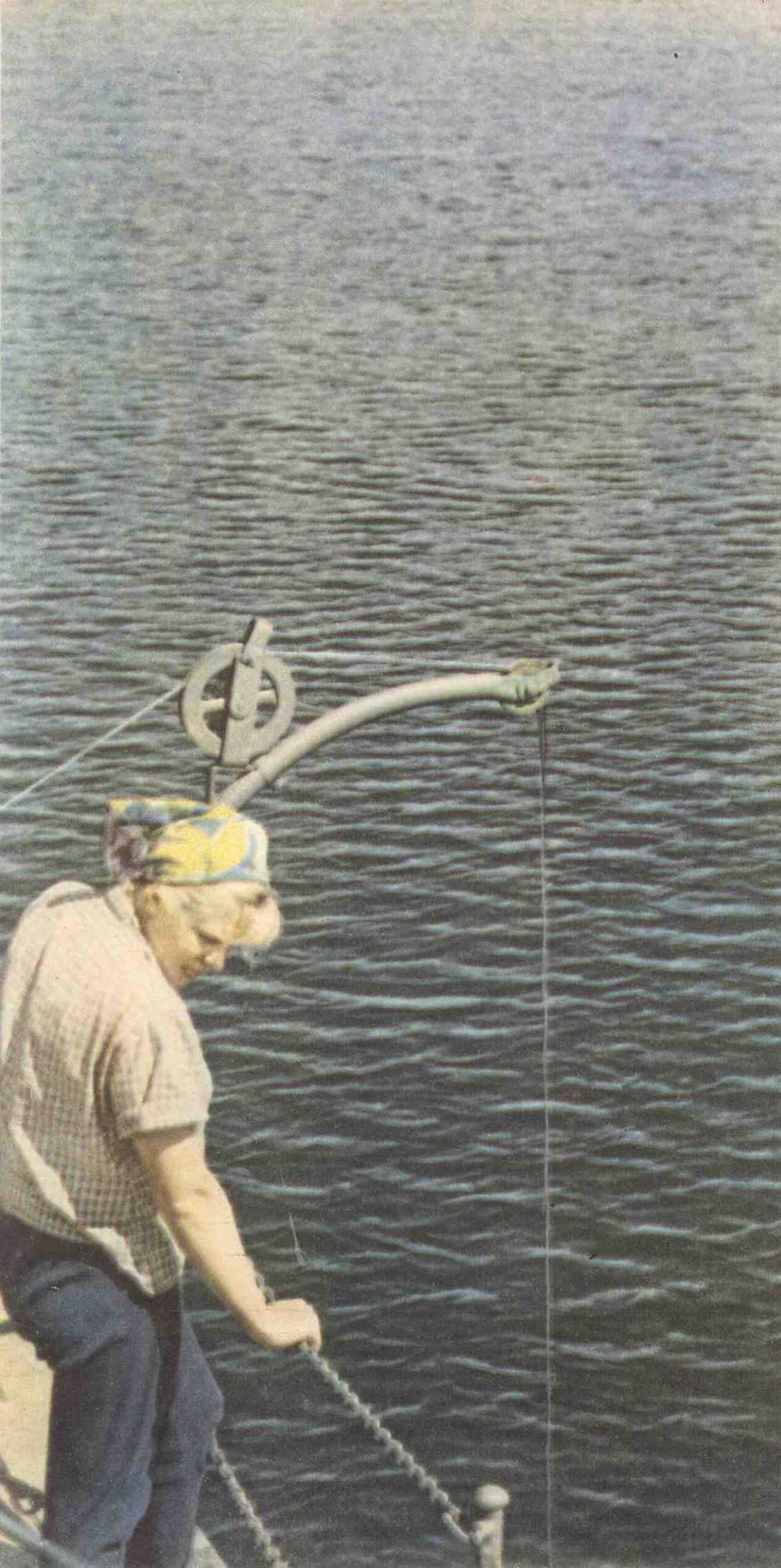
Сейчас Человек опять сменил костюм, перешел на новое рабочее место. Он следит за множеством приборов на пульте управления турбинами.

Вот одна из них. На ней цифра «18». 29 ноября 1961 года Никита Сергеевич Хрущев повернул на пульте небольшое колесико, и заработала первая турбина Братской ГЭС. По проводам понесся электрический ток. Он будет всегда — и сегодня, и через пять лет, и при коммунизме — служить народу нашей страны.

Сейчас на станции уже работают двенадцать турбин. Их общая мощность — два миллиона семьсот тысяч киловатт. Этой станции нет равной в мире.

Большое видится на расстоянии. Семь лет назад, когда я впервые приехал на Ангару, только разворачи-

Техник-гидролог Валя Касьянова проводит очередной замер глубины.

лись работы. Теперь здесь вырос большой промышленный район. В поселках, которые составляют город Братск, живет более ста тысяч человек. Гидростанция — центр, солнце этого района. Через несколько месяцев даст первую продукцию Братский лесохимический промышленный комплекс — целое созвездие крупных предприятий. В Железногорске уже добывают железную руду, скоро заработает обогатительный комбинат. В Чекановском строят Ангарский алюминиевый комбинат.

Семь лет назад я поднимался на вертолете над Падунским сужением. Машина повисла в доброй сотне метров над рекой. И вот я опять на этой высоте. Только теперь под ногами у меня не вибрирующий пол кабины вертолета, а бетонный гребень плотины ГЭС. На север уходит голубая лента Ангары. А на юг раскинулось еще одно творение рук Человека — Братское море.

...Двигатель смолк. Катер медленно покачивается на волнах, рожденных его винтами. Быстро бежит блестящий трос с тяжелым лотом. Стоп. Дно. На счетчике цифра — 74. 74 метра глубины. Там, под толщей воды, лежит навсегда усмиранный Падун — самый

Старшая лаборантка химической лаборатории Эльвира Есина делает очередной анализ воды Братского моря.

свирепый порог на Ангаре. Еще совсем недавно его гул слышался в тайге за многие километры. А сейчас здесь тихо, и только доносится приглушенный шум работающей электростанции.

Отсюда, почти от плотины, и началось мое путешествие по Братскому морю. Иду на катере «Гидротехник» с работниками Братской гидрометеорологической обсерватории.

Директор обсерватории Леонид Никифорович Бызин — «крестный» отец многих искусственных морей. Еще до войны он наблюдал за наполнением Рыбинского моря. Цимлянское Леонид Никифорович сначала исходил по сухому дну, а потом, уже наполненное водой, изучил вдоль и поперек. На его глазах рождались волжские моря под Горьким, в Жигулях и у Волгограда.

— Каждое из этих морей имеет свой характер, — говорил мне Бызин. — А

наше как бы соединило в себе их характеры да еще прихватило некоторые привычки у Байкала. Вот поедете и все увидите.

Так и стал я спутником гидрологов в этой поездке. На катере их двое: инженер-океанолог Валентина Дмитриевна Дианова и техник-гидролог Валя Касьянова.

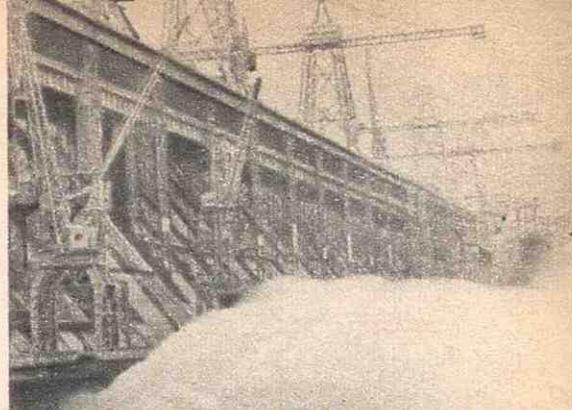
«Гидротехник» то останавливается, то срывается с места и полным ходом летит по морю, то, словно устав, замедляет бег. И все это по строго определенной программе. Остановка — глубоководная станция — замер температуры на разных глубинах, от поверхности до дна. Валя прикрепляет по очереди четыре термометра, помощник капитана Николай Лаптев ручной лебедкой опускает их за борт. Дианова следит по часам. Семь минут. Термометры выныривают из воды. Валя быстро диктует показания. На поверхности температура воды 19,7 градуса (совсем как в Сочи — за шесть тысяч километров от Ангары). Потом она постепенно понижается, а после 35 метров стремительно падает до 4 градусов. И дальше до дна почти не изменяется. Вот это и имел в виду директор обсерватории, говоря о сходстве характеров Байкала и Братского моря. В Байкале с определенной глубины температура воды также колеблется между 4 и 3,5 градуса. Зимой и летом, весной и осенью.

Для чего так тщательно исследуется температура воды? Это очень важно. Надо знать тепловой баланс моря, то есть запасы тепла в нем, чтобы точно предсказать, когда оно встанет и когда вскроется. А это хотят знать и энергетики Братской ГЭС и капитаны ангарских судов.

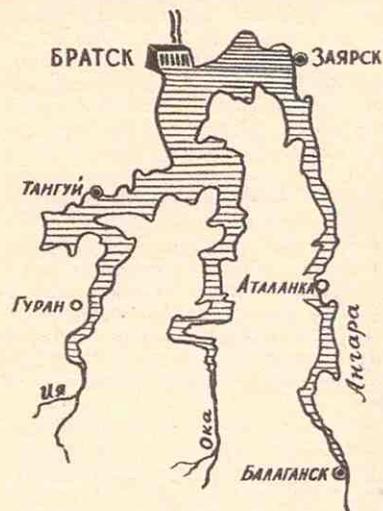
Доходим до места, где на Ангаре был Пьяновский порог. Говорят, назвали его так потому, что здесь когда-то, может, сто, а может, и двести лет назад, разбились на камнях баржу с водкой. Теперь в этом месте спокойно могли бы ходить и океанские лайнеры, даже подводные лодки. Бежит, исчезает в воде трос. Вертится и вертится барабан лебедки. Трос кончается. Счетчик отмечает 105,2 метра. А лот так и не достигает дна.

Валя помогает мне ликвидировать «неграмотность по части моря». Она говорит, как учительница в классе. Море огромно. Наполненное до краев, оно разольется в длину на 550 километров и вберет в себя 170 кубических километров воды (в три с половиной раза больше, чем вмещает Куйбышевское море). Представляете, в центре Сибири возникает такая огромная водная чаша! Как она должна повлиять на климат Приангарья? Пока можно строить только предположения. Ясно уже одно: климат в этих местах станет менее континентальным, приобретет «прикус» морского. Сейчас море наполнено чуть больше чем на треть — в нем 70 кубических километров воды, братчане говорят, что уже почувствовали это. Минувшая зима была значительно мягче предыдущих. Только несколько раз ртуть в термометре падала ниже сорока. А раньше частенько скатывалась за пятьдесят.

И, пожалуй, первые, кто почувствовал «присутствие» моря, были синоп-

У карты родной страны

Сброс воды через плотину Братской ГЭС.

тики. Для них настало трудное время. Море путает им все карты. Те самые фронты облаков, области низкого давления, по которым во многом строятся прогнозы, перестали перемещаться, как им положено.

В одной из комнат обсерватории за картами просиживает целые дни напролет инженер-синоптик Инна Швейкина. Часто она хмурит лоб. Все данные за то, что завтра ожидается дождь. Но сколько раз бывало, что где-то над морем рождался непредвиденный ток воздуха, и прогноз шел насмарку. И вины

Инженер-синоптик Инна Швейкина.
Рисунки Я. Авербуха.

тут Инны нет. Даже самые опытные синоптики могут ошибиться: слишком недавно появилась на Ангаре «фабрика» погоды — Братское море. Пройдет некоторое время, его характер, привычки будут досконально изучены, и все встанет на место.

Море задолго до своего рождения начало менять облик обширного края. Десятки деревень, поселков и старинный городок Братск сменили адреса — их перенесли из зоны затопления на высокие места. Тогда, несколько лет назад, начали строить новые поселки и города далеко от Ангары, и вот теперь синие воды моря уже поднялись почти к самым их набережным.

Была трудная задача — вырубить огромные массивы леса. Люди не успевали с этим справиться. Неожиданно море пришло им на помощь. Зимой оно покрывается толстым, почти двухметровым льдом. А вода все прибывает (водохранилище наполняется круглый год), поднимает лед, и он, как спички, легко вырывает из земли гигантские сосны.

Вичом таежного края была мошка — мелкие мушки, которые миллиардами налетали на людей и животных, сосали из них кровь. Мошка забивалась в нос и рот человека, мешала дышать, двигаться, работать. Разводится она в быстрой воде, на перекатах и порогах.

Но вот пришло в тайгу море. Оно остановило стремительный бег вод Ангары и ее притоков, поглотило все быстрины, и мошки не стало.

Дышит, живет море. Его уровень еще поднимется почти на тридцать метров. Но и после того, как закончится наполнение водохранилища, люди будут его изучать. Ведь процесс формирования морских берегов — дело длинное. Одни считают, что он завершится к концу нынешнего века, а другие утверждают, что значительно позже — через 150 — 200 лет.

...Братское море молодо. Молоды и почти все, кто изучает его. Вале Касьяновой всего 22 года, но она уже давно работает в таежном крае. Выросла Валя в Конаковском районе под Калининском. Окончила семь классов и, не слушая уговоров матери, уехала в Москву «учиться на геолога». Но в геологию не попала, а стала метеорологом. И отправилась в Сибирь. Заехала в такую даль, что дома с трудом нашли на карте маленький поселок Илимск. Там и начала Валя самостоятельную жизнь. Ей здесь все не нравилось, хотелось домой, в Завидово. Но чувства одиночества вскоре исчезло, полюбилась и тайга, и работа, и Илимск. А тут еще появилась новая забота: Валя стала студенткой Иркутского госуниверситета. Через три года перевели ее в Братскую обсерваторию.

Валя еще не инженер, университет она окончит через два года. Но знает сейчас она, пожалуй, не меньше дипломированного инженера. Поэтому и назначили ее начальником экспедиции, которая почти весь июнь бороздила Окско-Ийскую часть моря, где ширина водохранилища уже достигла тридцати километров. Сотрудники обсерватории не только вели научную работу, но и устанавливали водомерные посты, создавали метеорологические площадки.

И когда подвели итоги трудов экспедиции, Валу похвалили: она выдержала экзамен на инженерную зрелость.

Юрий Швейкин немногим старше Вали. Два года назад он окончил Ленинградский гидрометеорологический институт. Приехал в Братск, чтобы заняться избранной еще на студенческой скамье темой: учетом стока воды через турбины крупной ГЭС. Приехал, поработал и понял: тема эта важная, но рядом море с тысячами и тысячами загадок. И занялся морем.

Сейчас капитаны теплоходов, катеров-буксировщиков имеют картограмму волнений — своеобразную палочку-выручалочку. Море Братское не шутит. Разыграется, погонит трехметровые волны и в щелы разобьет плоты древесины. Но достаточно капитану-плотоводу, предупрежденному по радио о приближающемся шторме, заглянуть в картограмму волнений, и он определит максимально возможный «рост» волн на его пути. Если они угрожающих размеров, капитан успеет завести плот в безопасное место.

Картограмму эту составил Юрий Швейкин. Капитаны его благодарят, а сам он далеко не удовлетворен своей работой. Море все растет, и картограмму надо постоянно уточнять. Этим и занимается Юрий.

...Мы возвращались в Братск под вечер. Была суббота, и навстречу нам бежали катера, лодочки с подвесными моторами — братчане ехали отдыхать на острова, в бухты моря, которое они создали своими же руками. Пахло смолой, нагретой сосновой тайгой. А когда брызги обдавали лицо, казалось, что они солоновато-горькие, как и во всех морях мира. Я понимал, что ошибаюсь, но не хотел этого признавать. Просто я полюбил это море.

Кто-то шутя назвал Братское море внуком Байкала. Должно быть, в этом есть доля истины. Байкал — отец Ангары. Ангара родила Братское море. И быть ему украшением Приангарья!

г. Братск.

Август, 1963.

ПОМОЖЕМ СОХРАНИТЬ УРОЖАЙ ОВОЩЕЙ!

Сейчас самая пора заготавливать овощи на зиму. По дорогам идут вереницы автомашин, груженных картофелем, овощами, бахчевыми. В городах и поселках загружаются кагаты, овощехранилища, базы. Теперь задача состоит в том, чтобы все это добро принять, разместить и, главное, суметь сохранить, не дать ему сгнить, промерзнуть, пропасть. От этого зависит, быть ли нам, горожанам, всю зиму со свежими, доброскачественными овощами.

Вот и решили мы, женщины Тульского оружейного завода, что в таком деле не годится нам оставаться в стороне, что немало полезного и нужного можем сделать и мы.

Привокзальный район наш большой. Здесь живут рабочие Оружейного завода, железнодорожного узла, механического завода и ряда других предприятий. Естественно, в районе много всяких зеленных лавок и овощных магазинов, овощехранилищ. Мы и взяли всех их под свой общественный контроль. Поставили себе целью добиться, чтобы каждое помещение было полностью готово к приему и хранению продуктов.

Начали мы с того, что провели рейд проверки готовности овощехранилищ к зиме. Участие в нем приняло более двухсот человек. Придирчиво осмотрели и проверили все помещения, все ли в порядке, есть ли необходимое оборудование, подготовлено ли достаточное количество тары для засолки и квашения огурцов и капусты, в каком состоянии вентиляция, построены ли временные укрытия на случай дождя и т. д. Проследили за приемкой, заглянули и на автобазы и на грузовую станцию. Всюду побывали.

Все недостатки — а глаз у наших активисток острый, наметанный — взяли на заметку и сообщили о них руководителям торговых организаций, партийным комитетам. Теперь следим за тем, как замеченные недостатки устраняются, как выполняются наши предложения. Чтобы сподручней было, раскрепили всех членов женсовета за отдельными овощехранилищами.

Словом, взяли это дело под свой неусыпный общественный контроль. Если понадобится где и наша помощь, всегда с радостью придем на подмогу.

Твердо уверены, что старания наши не пропадут даром. Будем с овощами! И другие женсоветы, всех активисток в городах и поселках зовем к тому же. Дорогие подруги! Все вместе поможем сохранить урожай овощей и картофеля, не дадим пропасть ни одному килограмму продуктов!

По поручению участниц рейда

К. АККУРАТОВА, председатель заводского женсовета; Е. ГВОЗДЕВА, председатель цехового женсовета; члены женсоветов: З. ФИЛАТОВА, Н. АБАШИНА, А. КОМАРОВА, Т. ЧУКАНОВА, О. ТАРАСОВА, Е. ЧЕРНЫШЕВА и другие.

г. Тула, Оружейный завод.

Хиросима НЕ ПОВТОРИТСЯ БОЛЬШЕ!

Впервые в Хиросиме мне пришлось побывать в октябре 1946 года. Только бетонные мостовые да развалины двух-трех зданий напоминали о том, что здесь когда-то был город. С залива поднималось солнце, и казалось, что на черных, обгоревших пустырях алеет кровь тех двухсот тысяч людей, которые погибли в одно мгновение в памятный день 6 августа 1945 года.

Каждый год день 6 августа отмечается в Японии как день памяти жертв атомного оружия. Каждый год в этот день в многострадальном городе собираются тысячи людей, не только жители Хиросимы, но посланцы со всех концов страны, чтобы остановить тех «бешеных», которые при помощи этого страшного оружия пытаются играть судьбами мира.

6 августа 1946 года в 8 часов 45 минут утра — в тот самый момент, когда год назад разорвалась американская бомба, — в городе впервые зазвучал знаменитый «колокол мира», а на следующий год в этот день гудел уже не один, а множество колоколов, и на месте страшного взрыва была открыта «башня мира», построенная на пожертвования простых людей. Тогда же Хиросима была провозглашена вечным городом мира, и над запруженной народом площадью понеслись звуки песни, мужественной и твердой, как клятва: «Хиросима не повторится больше!»

В 1954 году американцы взорвали водородную бомбу у острова Бикини. Жертвой этого нового преступления милитаристов вновь стали японцы — команда траулера «Фукуру-мару». Негодование охватило всю страну. Женщины-домохозяйки Сугинами — одного из районов Токио — начали сбор подписей под воззванием, требующим запрещения термоядерного оружия. Они организовали специальный комитет борьбы против атомной бомбы, во главе которого стал видный японский ученый, специалист по международному праву, профессор Каору Ясуи, тоже житель района Сугинами. Японские патриоты собрали под воззванием 34 миллиона подписей и 6 августа 1954 года принесли их к братской могиле жертв Хиросимы.

Так в Японии родилось самое массовое движение за запрещение термоядерного оружия. Руководителем движения профессор Ясуи в знак признания огромных заслуг японских борцов за мир присуждена Ленинская премия мира.

Начиная с 1955 года в Хиросиме ежегодно проводятся международные конференции за запрещение термоядерного оружия, на которые приезжают представители многих стран мира.

И вот очередная, девятая международная конференция борьбы против атомной и водородной бомбы. Открылась она 5 августа этого года на площади Хиросимы перед братской могилой жертв атомной бомбы. Участвовало в ней около четырнадцать тысяч человек. Все находились под впечатлением только что подписанного исторического договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия.

Видные общественные деятели, съехавшиеся со всех концов Японии, со всего мира, горячо одобряли заключение договора, расценивали его как первый и важный шаг на пути ко всеобщему разоружению и миру. Много хороших и теплых слов сказано было о нашей стране, о нашем народе, о Советском правительстве, которое последовательно и настойчиво проводит в жизнь ленинскую политику мирного существования, добиваясь полного запрещения атомного оружия. Огромная площадь бурей аплодисментов отвечала на выступления ораторов.

И вдруг произошло нечто неожиданное, невероятное, такое, чему трудно поверить. Поднялся на трибуну китайский делегат и, не переводя дыхания, стал поливать потоками грязи и Московский договор и Советское правительство.

Расчет клеветника был ясен: спровоцировать советскую делегацию на перебранку, вызвать скандал и добиться осуждения договора.

Не вышло! Нас, советских делегатов, было десять человек. Мы, ни слова не говоря, поднялись с мест, подошли к памятнику жертвам Хиросимы и преклонили головы в скорбном молчании. Это подействовало на собравшихся куда сильнее, чем любые речи. «Советская делегация, — писала хиросимская газета «Чугоку симбун», — продемонстрировала этим, что ей дороги память и традиции Хиросимы как города, первым испытавшего ужасы атомного оружия, как города, провозглашенного вечным городом мира».

Внушительный ответ раскольникам дал сам японский народ. На следующее утро на той же площади Хиросимы собралось тридцать тысяч человек, которые под звон колокола торжественно запели: «Это не должно повториться». Единодушно было принята «Декларация мира», в которой японцы твердо заявили о том, что горячо поддерживают Московский договор и будут добиваться полного запрещения и уничтожения ядерного оружия.

Но и после этого китайские клеветники не уgomонились. Справедливости ради надо сказать, что и в самой Японии нашлись поклонники этой «музыки». Это прежде всего троцкистская группа из студенческой организации «Дзэнгакурэн».

Человек шестьдесят кликушествующих молодых людей разъезжали по Хиросиме с лозунгами: «Не будем бороться против термоядерного оружия, пока не уничтожим весь империализм!». Характерно, что одновременно на другой стороне хиросимских улиц разъезжали молодчики из фашистской «патриотической партии Великой Японии». Под звуки старого милитаристского марша они провозглашали: «Не будем бороться против термоядерного оружия, пока не уничтожим последнего красного!»

Прямо скажем: было до боли обидно, что представители КНР, народ которой так много сделал для дела мира, увязли в этом беспоте. И не только сами увязли, но и пытались столкнуть туда и японских сторонников мира.

Жаль, конечно, что среди японских борцов за мир возникли некоторые разногласия. Социалистическая партия и профсоюзы проводили обособленные собрания.

Но народ не дал себя обмануть. На всех собраниях, созванных коммунистами ли, социалистами или профсоюзами, в сущности, обсуждались одни и те же вопросы, принимались одни и те же решения: бороться за полное запрещение термоядерного оружия, против американских атомных баз в Японии, за безатомные зоны в Азии и на Тихом океане, за возвращение Японии острова Окинава, за единство сторонников мира. И нигде ни намека на осуждение Московского договора. Японский народ проголосовал за договор. И тем не менее 24 августа в Пекине на митинге, посвященном результатам IX международной хиросимской конференции, глава китайской делегации без зазрения совести изобразил все происшедшее в Хиросиме как... великую победу китайской позиции.

На пути в Токио после конференции мне довелось в поезде встретиться с делегатами из района Сугинами.

— Нам всегда кто-нибудь мешал, — размышляла пожилая домохозяйка, потерявшая мужа в прошлую войну и сама воспитавшая троих детей. — И угрожали и говорили: зачем занимается напрасным трудом, собирая подписи? Но мы верили. И наша вера все же оправдалась. Как сказал профессор Каору Ясуи, в Москве, когда подписывался договор, и нашего труда частица была. Добьемся и полного запрещения, — заключила она. И, подумав немного, добавила: — Вы не огорчайтесь, что в Хиросиме были и те, кто мешал. Они, конечно, очень надоедливы, но правду не скроешь. Спойте лучше русскую песню.

И мы запели вместе «Катюшу», давно ставшую японской народной песней. А когда подъезжали к Токио, то еще раз спели «Хиросима не повторится больше!».

Хиросима — Москва.

МЕЩАНСТВУ-

«Проблема воспитания нового человека — гражданина коммунистического общества нерасторжимо связана с борьбой против буржуазной идеологии, с пережитками прошлого в сознании советских людей».

Из постановления июньского Пленума ЦК КПСС.

М. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ЧЕРТОПОЛОХ

Разговор о мещанстве начался на Клинском комбинате синтетического волокна еще до того, как люди собрались в зале на диспут. Уже неделю по цехам и общежитиям ходила анкета. Вокруг вопросов, которые она задавала, завязались споры. В чем настоящее счастье? А мещанство в чем?

И в залежавшихся было читательских абонементов появились свежие записки. Бурно работала фантазия комбинатских художников. Рисовали карикатуры и шаржи, писали плакаты — все к диспуту.

Естественно стремление человека становиться лучше, чище, красивее. Это стремление неразрывно связано с самой сутью нашей жизни. Мы строим коммунизм. И поэтому сегодня мы несравненно строже к себе, чем вчера, и эта наша требовательность будет с каждым днем возрастать.

На диспуте вспомнили путешественника, о котором говорил на июньском Пленуме секретарь ЦК КПСС товарищ Ильичев. Этот путешественник, готовясь в путь, еще и еще раз проверяет свое снаряжение, откладывает в сторону все лишнее и берет с собой только то, без чего не обойтись, без чего дорога будет трудней и длинней. Нам на пути к коммунизму не обойтись без глубокой идейной убежденности, без огня энтузиазма и революционного порыва, без постоянной готовности к труду для блага людей. И как от лишнего груза, мешающего идти вперед, связывающего по рукам и ногам, мы освобождаемся от всех позорных пережитков прошлого. Мещанство — один из них.

С мещанством во всех его проявлениях непримиримо боролся Владимир Ильич Ленин, гневно клеймивший мещанскую ограниченность и тупоумие, холопство, двуличие и бесхарактерность, пошлость и индивидуализм.

А сколько обличительных слов сказал о мещанах Горький! Он называл мещанство «бездонной трясиной грязи, которая засасывает в липкую глубину своего гения, любовь, поэзию, мысль, науку и искусство». Слово чертополох, по образному выражению писателя, мещанство засоряет наше цветущее поле, мешает расти полезному и красивому.

О борьбе с пережитками мещанства и шел на диспуте разговор. Докладчика здесь не было. Писательницы Варвара Карбовская и Елена Успенская помогли собравшимся не уходить в сторону от темы, делились своими мыслями о том, что всех в зале волновало. И если на

стол к ним ложились записки («Пожалуйста, напиши, если не хочешь спросить вслух!»), то они сразу делали эти вопросы достоянием всех. Пусть все думают вместе!

Задумались над историей слова «мещанство». Не всегда в слове «мещанин» заключался нынешний, порицающий смысл. В сословие мещан, существовавшее в дореволюционной России, входили горожане небольшого достатка: мелкие торговцы, ремесленники, мелкие домовладельцы и т. п. Многих из них искалечила частная собственность. Вся их жизнь была заполнена одной заботой: как бы побольше взять, получить, урвать для себя, ничего не уступив другому, — жизнь рабская, мелкая, ничтожная.

Революция ликвидировала сословность как признак неравенства людей. Но мещанский образ жизни, идеологию мещанства не отменишь декретом. Пережитки его, отдельные стороны, проявления дожили до наших дней.

Ох, как цепки они, как живучи! Мы встречаем их в людях без мечты, в людях косной и трусливой мысли, больше всего ценящих все привычное, устоявшееся, спокойное, в эгоистах, противопоставляющих свое, личное — общему, народному, государственному. Настоящей жизни они попросту боятся и против всего, что может лишить их жизненного уюта, как щит, выставляют излюбленную фразу: «Оставьте меня в покое, дайте мне жить так, как я хочу».

ГОЛОВУ ПОД КРЫЛО

Работница первого производства Аня Колосова выступить на диспуте не смогла: была на смене. Свое несостоявшееся выступление она написала и передала в президиум.

«Я все думаю, — пишет она, — а как назвать человека, который только об одном и печется: как бы остаться незамеченным? Есть такие и у нас на комбинате. Я не говорю уже о том, что они общественную работу за версту обходят, они даже в цехе в таких делах, которые прямо их касаются, держатся, как посторонние. Пошептать между собой еще могут, а как до откровенного разговора доходит, сейчас же в кусты: ничего-то они не знали, не видели. А по моему, просто не хотят врагов себе называть. Трусят».

Над рядами две руки.
— Чернышев, Николай, — назвал себя высокий черноволосый парень. — Чего ж тут неясного? — начал он. — Обыватель — самый настоящий мещанин. От одного

только предчувствия неприятностей он уже прячет голову под крыло. «Человек маленький», — любят говорить некоторые. Они не беспокоятся, что унижают себя этими словами. Им важнее другое: как бы оправдать свое равнодушие к чьей-то судьбе, как бы не испортить с кем-то отношения. «Маленький» не любит брать слово на собрании, вступаться за незаслуженно обиженного. «Пусть портят себе нервы те, кому больше надо, а мне и своих забот хватает. Моя хата с краю».

Чей-то нетерпеливый голос раздается прямо с места:

— Зачем так обострять? Ну, отмолятся человек, не вяжется в спор — ведь плохого-то он этим никому не сделал.

Зал протестующе гудит. Со всех сторон летят перекрестные реплики: «Ну, а если перед тобой подлость? Промолчишь — будешь пособником!», «Из равнодушных плесень и вырастает. Видят плохое — идут мимо, а если это плохое и им в душу поползет, не сопротивляются: нет у них сил для борьбы, привыкли ведь в сторонке стоять».

Как это верно! Вот представьте: живет человек рядом с нами, на одной улице стоят наши «хаты». Называется эта улица Социалистическим Общежитием. Нам вместе засадить ее садами, сделать самой счастливой на земле. Каждому из нас положено внести в это общее дело свою лепту, и тому, чья хата крайняя, тоже. И если он отсиживается в сторонке, полагаясь на тех, «кому больше надо», то он не просто бездействует — он действует против нас.

Сохранил «крайний» свои нервы, но какой ценой! Увидел подлость и примирился. А скольких радостей себя лишил!

Е. Б. Успенская.

БОЙ!

Радуются соседи первым плодам молодого сада, а у него на эту радость нет права: он не сажал. Радуются товарищи восстановленной в чем-то справедливости, и тут радость обошла его стороной.

Коммунизм утверждается в решительной ломке всего старого, отжившего и отживающего свой век. Поэтому каждый стоящий в строю — борец, активный, деятельный, не знающий компромиссов с совестью.

«ДВУЛИКИЕ ЯНУСЫ»

Крутильщица Валентина Николаева с возмущением рассказывала:

— Есть у нас один такой активный товарищ Н. На всех собраниях речи о коммунизме произносит, клеймит всякие пороки и недостатки. Если бы о человеке судили по одним его словам, то Н. хоть сейчас в коммунизм пускай. А если по делам... Он великолепно знает, например, что его жена, работающая в ресторане, носит оттуда продукты. Но ее он не только не заклеймил (из своей избы он сора не вынесет!), а и сам со спокойной совестью ест обеды из тех продуктов.

Вслед за Николаевой взяла слово работница парткабинета Е. В. Бочкова:

— И я таких людей знаю. Ох, как они требовательны к другим, какие высокие слова умеют произносить на людях! Но в них-то самих живут еще пережитки мещанства. Я говорю о тех, кто спекуляцией занимается. Кончился для такого человека рабочий день, закрыл он за собой дверь своего дома, и между ним и коллективом словно межа легла. Я, мол, у себя дома и живу, как хочу.

Загляните-ка на наш колхозный рынок. Среди тех, кто торгует тут луком и клубникой по баснословным ценам,

В. А. Карбовская.

вы найдете и знакомых лиц. Стыдно говорить, но торгуют и члены семей рабочих и служащих предприятий города, в том числе и нашего комбината.

Голос из зала:

— А какое это имеет отношение к мещанству?

— По-моему, самое прямое: государство дает рабочим землю под сад для нужд семьи, а предприимчивые хозяева используют ее для своего обогащения. Это же самая настоящая спекуляция!

...Спекулянт, хапуга, ханжа — они могут великолепно ужиться в одном человеке, и имя ему — мещанин. Иногда он, словно панцирем, прикрывает красивыми речами свое глубокое и законстеленное равнодушие к общим заботам.

КУРИЦА В ЯБЛОКЕ ЧЕРВЯКА ИЩЕТ

Попробовал слово электрослесарь Юрий Хаустов:

— Помните письмо московского рабочего В. А. Афонина, которое привел на Пленуме ЦК товарищ Ильичев? «У нас полная свобода открытых суждений, открытой критики», — писал Афонин. — Это замечательно. Так легко обнаружить наши слабости и ошибки, не дать им разрастись, покончить с ними в зародыше. Но есть еще люди, которые безответственно, во вред нашему обществу используют эту свободу, поют с чужого голоса, чернят все советское, распускают грязные сплетни и злобные анекдоты».

Случается и у нас: не подвезут на участок полуфабрикаты из соседнего цеха, а уж разговоры идут о «пороках планирования» во всеобщем масштабе. Или не подберет себе модница материи с какой-то невероятной «искрой», так всю нашу текстильную промышленность готова охаять. Как курица, что в яблоке лишь червяка ищет.

...Идет обыватель по городу, целые кварталы новых домов перед ним, а он одно только замечает: «Потолки-то ниже стали делать». У него всегда один повод для скептических высказываний, для злопыхательств: лично ему чего-то не досталось или досталось меньше, чем он хотел бы. Он не станет утруждать себя размышлениями, почему «не досталось», тем более он не ударит палец о палец, чтобы эту беду устранить. Он будет роптать, ныть, поносить всех и вся. При этом он ворчит себе под нос, он ищет «слушателей». И находит.

В твоём присутствии дурно сказали о твоей матери. Но ведь ты-то знаешь, какой это хороший, чистый человек... В тебе закипел гнев, и вся сила твоего справедливого возмущения, твоей обиды вылилась в резкие, негодующие слова, которыми ты, как пощечиной, ответил обидчику.

Кто бы ни попытался обидеть в твоём присутствии мать-Родину, не позволяй этого делать.

СОЛНЦЕ С КОПЕЙКУ

С трибуны такое говорят нечасто. Видно, очень наболело. С полминуты Тамара П. молчала, словно все еще раздумывала, говорить или нет. Решилась.

— Понимаете, я очень люблю покупать вещи. И не просто их приобретаю, у меня уже какой-то азарт появился.

Идет диспут... В зале не было места равнодушию и скуке.

А в этой комнате художники комбината разместили злые карикатуры, рисунки, плакаты, разоблачающие мещанство...

А. М. Кирсанова, воспитатель общежития.

Н. Т. Чачкин, заместитель секретаря парткома комбината.

Тансия Петрова, инженер-экономист.

СТРОКИ ИЗ АНКЕТ

ВОПРОС. В чем, на твой взгляд, проявляется мещанство?

ОТВЕТЫ

...Мещанство — в заботе только о себе, о своем благополучии, в стремлении к наживе.
...Окружающая жизнь интересует мещан лишь постольку, поскольку они получают выгоду для себя. К большим событиям они лишь любопытны. Да и это любопытство праздное.

...Себялюб, мелочный, ничем не интересующийся, не уважающий людей — вот мещанин.

...Это тот, кто стремится взять от жизни больше, чем может дать взамен.

...Мещанство — в тупоумии и отсутствии интересов.

...Во лжи, зависти, жадности.

...Когда ради личной выгоды готов на любую подлость и на унижение.

...Главный принцип мещанина — оставьте меня в покое, дайте мне жить, как я хочу.

...Если молодая девушка выходит за пожилого мужчину из-за денег, она мещанка.

ВОПРОС. Перед каким человеком ты закрыл бы дверь в коммунизм?

ОТВЕТЫ

...Перед хулиганом и пьяницей, перед эгоистом, тунеядцем.

...Перед скрягой.

...Перед лицемером. Такому ни в чем нельзя доверять: он опасен, он может подвести в труд-

ную минуту. В коммунизме их не должно быть.

...Перед человеком, который не работает для пользы Родины.

...Перед тем, кто живет за счет чужого труда.

...Перед тем, кто не способен делать добро другим.

...В эти двери войдут только люди честные, чистые, преданные делу партии и народа.

ВОПРОС. ...Кто тот литературный герой, на которого ты хотел бы быть похожим?

ОТВЕТЫ

...Люба Шевцова.

...Наташа Ростова.

...Тина Карамыш.

...Уля Громова.

...Татьяна Ларина.

...Хочу быть сама собой.

...Героем в высшем смысле мне не стать. Хочу быть добросовестным, честным тружеником.

...Я хочу быть похожей на героя повести «Судьба человека» Андрея Соколова, который перенес большие страдания и муки за любимую Родину.

ВОПРОС. Что нужно человеку для настоящего счастья?

ОТВЕТЫ

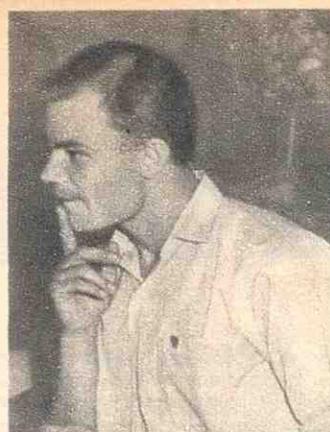
...Вдохновенная работа в области, которая тебе интересна. Любовь, которая вдохновляет на самое лучшее. Семья, дети.

...Друзья.

...Вера в людей.

...Труд, украшающий человека и всю его жизнь.

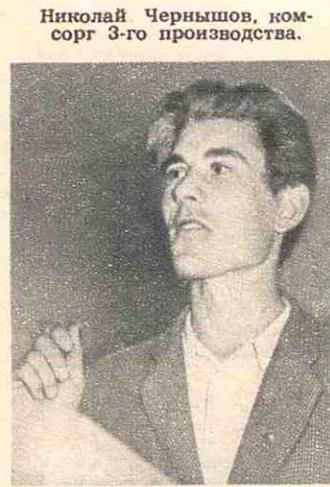
...Мир на Земле.

Юрий Хаустов, комсорг цеха.

Таня Белякова, работник отдела капитального строительства.

Николай Чернышов, комсорг 3-го производства.

Как увижу у кого вещь лучше, чем моя, не успокоюсь, пока сама такую же не приобрету. А на театр, кино — ну просто времени нет и даже не очень-то тянет, настолько захватил меня новый «интерес». И друзья стали заглядывать в нашу семью все реже, реже. Слушала я, что товарищи говорят, и даже страшно: неужто я стала рабой вещей, как тут товарищи примеры приводили?

Воспитатель общежития девушек Анна Михайловна Кирсанова, отвечая Тамаре, рассказала о судьбах тех работниц, которые жили вместе под крышей общежития. Вышли девчата замуж, детей растят, а их задора комсомольского годы

не гасят. Вот Наташа Белова. Две девочки у нее растут, а она успевает и работать, в институте учиться, интересно жить. Ее муж — заочник института. На вечерах ли, в кино — всюду их встретить можно, не замкнулись они в мелких домашних хлопотах, не ограничили свою жизнь одним желанием приобрести, обставить свое гнездышко. Все необходимое у Наташи есть, любит и одеться не хуже других, но все это не составляет цель ее жизни, не становится «главным интересом».

Говорили и о том, что люди порой неоправданно сужают понятие мещанства. Ведь нередко понимают так: украшена квартира бесчисленными пестрыми

вышивками, выставлены на комоду слоны да копилки-кошки — вот, дескать, это и есть мещанство. Но чаще всего в этих ковриках и кошках — просто невоспитанный, дурной вкус человека. А вот безудержное стремление к приобретению вещей, о котором говорила Тамара, — это куда более опасная черта.

Есть у нашей партии большая забота: добиться, чтобы каждый советский человек жил в хорошей квартире, в полном достатке. Но «представление об изобилии, как о безграничном росте личной собственности, — говорит Н. С. Хрущев, — не наше, чуждое коммунизму представление. Личная собственность труженика на многие предметы...

не противоречит коммунистическому строительству, пока она сохраняет разумные размеры и не превращается в самоцель».

Да, если вещи начинают брать над человеком власть, это сигнал об опасности. Человек может и не заметить, как мир его станет ничтожно малым, сузится до собственнического понятия «мое». И тогда солнце в его небесах станет с копейку.

В лучах этого поддельного солнца для него померкнут и понятия истинно светлые: самоотверженное служение долгу, дружба, любовь и все, что объединяется емким словом «наше». Как обкрадывает себя такой человек! И может быть, пока Тамару «не тянет» в театр — это еще полбеда. Настоящая беда придет, когда перестанет тянуть к людям, если радости и горести их не затронут ни одной струны ее сердца.

РАЗГОВОР ЕЩЕ НЕ ОКОНЧЕН

Разговор продолжается... Участники его спорят, не соглашаются, ошибаются. Что ж, они ищут истину.

— Некоторые девчата судят о парне по внешности: модный ли на нем костюм. Разве это не мещанство? (Нужно ли говорить, что вопрос этот довольно обиженным тоном задал парень?)

— А что же ты думаешь? Ты будешь одет в стиле XIX века, а девчата с тобой танцевать пойдут? Не жди. И можешь называть это как угодно...

— Мещанство — это когда мужчина о женщине гадости говорит.

— Когда сплетничают, косточки знакомым перемывают...

— Когда человек даже «чуткость проявляет» и то с корыстью: в надежде, что ему что-то оплатят или отметят где нужно.

В одном ответе на анкету было написано: «Мещанских черт никто не лишен, только у одних их больше, у других — меньше».

— Правильно написано! — выкрикнул кто-то.

— Да ты что? Выходит, все мы мещане? — возмутилась девушка в первом ряду.

Нет, конечно. На диспуте откровенно говорили о пережитках мещанства не потому, что они определяют лицо советского человека. Нет и нет! На нашей советской земле вырос новый человек, с новыми, светлыми представлениями о жизни и о своем месте в ней, с новым отношением к труду, с огромной требовательностью к себе и к окружающим людям. Только таким могли оказаться под силу колоссальные дела, которые по справедливости называют русским чудом. Высокие идеи морального кодекса строителя коммунизма все больше становятся нашим жизненным ориентиром и личным убеждением, а нормой жизни — воинствующая непримиримость ко всему, что засоряет наше цветущее поле.

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие читательницы! Напишите нам о тех пережитках мещанства, с которыми вы сталкивались в жизни, о том, как вы боретесь с ними. Ждем ваших писем.

КОММУНИСТКА

В солнечном Кисловодске, в сквере на проспекте Мира, воздвигнут памятник мужественной женщине, героине гражданской войны Ксении Михайловне Ге.

Сорок пять лет назад ходила она по этой земле. После Февральской революции большевичка Ксения Ге поселилась на Кавказских Минеральных Водах. Вместе с мужем, Александром Ге, она вернулась тогда из Швейцарии: преследования царского правительства заставили их эмигрировать за границу.

Ксения и Александр в 1918 году работали в Кисловодской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. В это трудное время в Кисловодск стекалось из центра России много врагов молодой Советской республики — бывшие министры царского и Временного правительств Гучков, Шипов и другие царские сановники, генералы, князья.

Партийных и советских работников, и особенно сотрудников ЧК, всюду подстерегала вражеская пуля. Ксения Михайловна, следователь ЧК, не раз подвергалась смертельной опасности.

20 января 1919 года денкинцы заняли Минеральные Воды. Ксения не успела эвакуироваться с отходящими частями Красной Армии. Вместе с другими коммунистами она отбивалась от врагов, ворвавшихся в Кисловодск.

Ее мужа Александра схватили прямо у пулемета, когда он вел огонь по наступающим цепям белогвардейцев, а 21 января его зверски убили.

Ксению Михайловну арестовали и поместили в тот же самый номер гостиницы «Гранд-отель», где прежде сидел ее муж под арестом.

Начальник контрразведки белых полковник Рязанов требовал, чтобы Ксения сообщила, кто из партийных работников остался в городе для подпольной работы. Ксения Михайловна отказалась выдать товарищей. Тогда военно-полевой суд белых приговорил ее к смертной казни через повешение. Она держалась мужественно и просила лишь об одном: дайте проститься с дочерью...

Принесли дочь. Прижимая девочку к себе, горячо целуя ее, Ксения сказала: «Доченька, родная, вспоминай нас с отцом, мы сделали все, что могли...»

В этот день белогвардейцам не удалось исполнить приговор: товарищи Ксении Михайловны помогли ей бежать в Эссентуки.

Вся контрразведка была поднята на ноги. В сообщениях белых, опубликованных в газетах и листовках, писалось, что тот, кто укажет, где скрывается Ксения Ге, получит награду в сумме 50 тысяч рублей. Нашлись предатели, которые ее выдали. Ксению арестовали и привезли в Кисловодск.

Утром в день казни ей вновь предложили выдать коммунистов, взамен обещали свободу. И опять Ксения ответила: «Нет!»

24 января 1919 года все было кончено...

Три дня на Казачьей горке за зданием главных нарзанных ванн ветер раскачивал обезображенное женское тело. На листке бумаги было написано: «Ксения Ге, повешена за то, что была коммунисткой».

С тех пор прошло много лет, но память о мужественной коммунистке Ксении Ге не умерла. Приедете в Кисловодск, приходите в сквер на проспекте Мира. Течет и течет по скверу людская волна. Каждый человек останавливается у памятника, внимательно вглядываясь в гордое лицо женщины.

«Кто это, мама?» — спрашивают дети. И старшие отвечают: «Коммунистка. Она умерла за Родину, за наше счастье».

И. НИКИТИН,
кандидат исторических наук

г. Кисловодск.

Я сидела в маленькой светлой комнате и ждала, пока уймется самый беспокойный человек в этой семье — трехмесячный Мишка. Из кухни притопала двухлетняя Иришка. Деловито вытатила из стаканчика соску и сунула ее в рот малышу. Он чмокнул и успокоился.

Иришка стала раздеваться. Стащила с себя платице и принялась за башмаки. Они не снимались. Девочка просительно посмотрела на бабушку.

— Сама, сама, — сказала Раиса Семеновна, — ты уже умеешь.

Иришка пыхтя продолжала свое дело. Из передней доносился приглушенный хохот и возня.

— Ну что, не справитесь? — спросила Раиса Семеновна, очевидно, угадывая по звукам, что там происходит.

— Уже! — раздались детские голоса. В комнату заглянули еще двое малышей, одетых для прогулки.

— Молодцом, — сказала женщина, проверив, хорошо ли завязаны шарфы и застегнуты пуговицы. — Только со двора никуда! Ну, а тебе пора спать. — Раиса Семеновна легкими шагами подошла к Иринке, взяла ее на руки и вынесла на балкон, где стояла детская кроватка. — Теперь все, — сказала она, опускаясь на диван, — половина дня позади.

В комнате стало тихо. Раиса Семеновна сидела, положив на колени легкие смуглые руки. А смотрела на нее, тоненькую, живую, с молодыми глазами. Бабушка!

— А как же, — улыбнулась она, — двое внучат. А те, что гулять отправились, малышам дядей и тетей приходятся. Это мои младшие: Таня и Сережа.

Мне казалось, что ей не хочется говорить. День ее начался давно, в пять утра. Она уже успела разнести почту (Раиса Семеновна работает почтальоном), приготовить завтрак для малышей, отправить в школу Леночку и Женю, сварить обед. Только что уложила внучат. Теперь она отдыхает.

Я гляжу по сторонам, стараясь определить, как живут люди в этом светлом доме...

На столе записка. Крупные торопливые буквы: «Мама, не забудь, что ты не завтракала. Если не съешь рыбу, не буду с собой брать ничего и никогда. Имей в виду — проверю. Н. Ф.»

— Кто такой «Н. Ф.»? — спрашиваю я.

— Николай Фисенко. Старший. Коля.

— Ну и как, выполнили его распоряжение?

Она улыбнулась.

— Попробуй не выполни. Он у нас такой...

— Какой?

Она усмехнулась ласково.

— Для меня лучше не надо. А как для людей, пусть другие скажут. — Раиса Семеновна помолчала немного и добавила: — Начальник гаража заметил как-то: «У Фисенко всегда чехлы в машине чистые. Уж не знаю, кто ему там стирает, а только ни у одного шофера такой чистоты нет». А кто, думаете, стирает ему? Сам. Он никакой работы не стесняется. Вот посмотрите полы.

Я посмотрела. Паркет блестел.

— Колина работа, — сказала мать. — Если Мишкины родители заняты, так он и пеленки его стирает, не посчитает за труд. Наш Коля...

Раздался звонок. В комнату вошла девушка лет семнадцати. Черные волосы замысловато уложены на голове.

— Тетя Раечка, а Саша не приходил? Я подожду. Может, вам поделаеть чего?

— Ты, Нина, посиди лучше, послушай.

Это из редакции. Я про Колю уже рассказала, сейчас про твоего Сашу буду.

— А что, — беспокойно заговорила

девушка, — Саша тоже хороший, только он занят сильно... Конечно, Коля тоже занят, но он более организованный...

И вообще я считаю, что это неправильно так называть Сашу.

— А как же его называют? — поинтересовалась я.

Девушка поднялась и, не ответив на мой вопрос, вышла из комнаты.

Раиса Семеновна посмотрела ей вслед смеющимися глазами.

— «Дед Семен» — вот как мы его зовем. У нас дедушка с ленцой был. А Нине, видите, не нравятся. Сама критикует Сашу, спуску ему не дает, а другие — не тронь. Вы не смотрите, что у нее прическа такая и юбочка модная. По юбочке судить — промахнуться можно.

Хорошая, серьезная девушка. — Она задумалась. — Приходит однажды ко мне женщина незнакомая. «Я, — говорит, — мать Нины. И прошу вас, не пускайте ее больше сюда, гоните ее».

«Почему?» — спрашиваю. «А по-вашему, — говорит, — это хорошо девочке с мальчишкой шататься?» Так мы с ней ни о чем и не договорились. Нине я ничего не сказала, как принимала ее, так и продолжаю принимать. А она мне как-то говорит: «Если бы моя мама была такой, как вы... Я тогда подумала: вот какой стороной недоверие к детям оборачивается. А ведь у меня их десятеро, да двое внучат, да трое зятьев, тоже в сыновьях ходят...» Она задумалась. — Людей уважать надо, и молодых тоже.

Эти последние слова адресованы, наверное, уже не мне, а матери, которая не проявила к своей дочери ни уважения, ни доверия и в ответ получила холодность и скрытность.

Тихо посапывает малыш в колясочке, с открытого балкона веет прохладой.

Раиса Семеновна сидит, крепко задумавшись о чем-то.

— Есть у нас во дворе один паренек, в ремесленном учится. Также Николай.

Дома у него тяжело: мать больная, отец умер. Некому за ним было присмотреть, вот и прибрали его к рукам непутевые ребята. Сижу я однажды вот так, прибегают мои мальчишки. «У кинотеатра, — говорят, — парни драться собираются, и Коля с ними». Я пальто накинула — и туда. Нашла Николая. Идем, говорю, сынок, домой. А он, видать, выпил, еле уговорила. Пошел... — Она горестно качает головой. — Скажите мне, что с такими делать?

Так вот о чем думает эта женщина, вот что тревожит ее и волнует среди больших забот и трудов.

— ...Дружили мои ребята с одной девочкой, Тамарой звать. И что-то стала я в ней сомневаться: допоздна на улице и ведет себя как-то не очень скромно.

Пошла к ней домой. Бабушка жалуется: «Не слушается она меня». Пошла к Тамаре на работу, продавщица она. Директор магазина спрашивает: «А вы кто такая?» Я говорю: «Мать. Хоть и не ее, а мать, и вы мне, как матери, скажите, как она тут у вас?» Потом с самой Та-

БОЛЬШАЯ

М. ЛОГИНОВА

— Пожалуйста, дай покрутить...

За чаем.

СЕМЬЯ

марой встретились. Долгий разговор был...

Когда я поднималась по лестнице, из квартиры Фисенко вышел человек в милицмейской форме. Я спросила Раису Семеновну, кто это.

— Василий Савельевич. Он часто к нам навещается.— Она говорила о нем так, как о старом, хорошем знакомом.

Василий Савельевич Губарев, работник районного отделения милиции, дав-

В четыре руки.

Фото Н. Маторина.

но дружит с этим домом. Не раз приходил к Раисе Семеновне за советом. Он знает, эта женщина принимает близко к сердцу судьбу всех «трудных» подростков своего двора. Не зря мальчишки называют ее «мировая тетя Рая».

Я удивляюсь доброте и щедрости этой души...

— Как люди ко мне, так и я к ним,— просто говорит она.

Она помнит всех, кто помог ей когда-то словом или делом. И того военного с измученным лицом, которого она встретила в суровое время войны.

...В эвакуации она узнала, что муж сильно заболел. А он ведь не скажет никому об этом. Будет ходить на работу, пока совсем не свалится. Уж такой характер. И она пустилась в путь без пропуска, без продуктов, с тремя маленькими детьми на руках.

Молодой усталый до изнеможения сержант проверял пропуски. Вагон был набит битком, и она видела, как некоторые безуспешно пытались всунуть ему в руки пачки денег, а в карманы шинели какие-то свертки. Военный наконец дошел до нее. «Пропуски!» «Нет у меня пропуска. Вот они, мои пропуска, за юбку держатся». «А в чем дело?» — сурово спросил сержант. Она рассказала ему все. Поезд приближался к какой-то станции. Она с ужасом ждала: вот сейчас ее высадят с ребятами в незнакомом месте, без харчей... Сержант одного за другим вывел из вагона всех, кто совал ему деньги. Остались только те, у кого были пропуска, и она со своими тремя — Галей, Аллочкой и Верой. Когда подъехали к Москве, сержант взял на руки Аллу, мешок, набитый детской одеждкой, помог им выйти из вагона. «Ну, счастливы вам...» — и улыбнулся. «Спасибо, милый человек», — сказала Раиса Семеновна... И простить себе не может, что не узнала тогда, как его зовут.

— Вот вы спрашиваете, как мы с отцом вырастили их, десятерых. Так ведь не в пустыне жили — среди людей. Отцу на работе квартиру дали. Он электромонтером работает в авиационном институте. Вот уже больше двадцати лет там... Уважают его. Каждый год ребят в пионерские лагеря отправляют. По праздникам малышам всегда подарки приносит.

Зазвонил телефон. Раиса Семеновна взяла трубку.

Это Алла. Она, видимо, волновалась, потому что мать все время ее успокаивала. «Да о нас не беспокойся. Вот сижу, отдыхаю. Сдавай экзамен, ни о чем не думай. А насчет квартиры Галя одна сходит».

Повесила трубку — и снова звонок. На этот раз звонила старшая, Галя. И мать говорила с ней тем же успокаивающим голосом: «Ну что теперь поделаешь! И Алла сегодня не может. Ты иди на собрание. А уж туда в другой раз. Крыша над головой есть покамест. Ладно-ладно, стирать не буду».

— У Аллы — экзамен, у Галины — собрание, — объяснила она мне. — А им сегодня назначен прием в райсовете. Насчет квартиры. Эту мы получили десять лет назад. По тогдашним временам лучше не надо: тогда нас восемь было. А теперь семнадцать. Целых четыре семьи, а комнаты все те же.

За дверью послышался шум. Вернулись с прогулки «дядя» и «тетя».

— Танюшка, — сказала мать, — боты поставь, я вымою.

— Уже! — И Таня просунула в дверь мокрые, блестящие ботики. — Я и Сережкины помою.

С кухни доносилось звяканье тарелок и вилок. Наверное, накрывали на стол. А мать продолжала спокойно сидеть, видно, зная, что там все идет по своему, давно налаженному порядку.

— Вот так и живем, — сказала Раиса Семеновна не то мне, не то самой себе.

Зазвонил звонок в передней. В дверь заглянули сначала мальчик, потом девочка. Увидели, что мать разговаривает с незнакомой женщиной, скрылись.

— Это Женя и Тамара, наши школьницы, — сказала Раиса Семеновна. — Не терпится, наверное, рассказать, что в школе. Ничего, — сказала она в ответ на мое движение, — подождут.

Еще звонок.

— Саша, — определила мать.

Потом еще.

— Леночка, — сказала она, — теперь уже сама звонит, дотянулась, выросла. В Доме пионеров занимается, рисует.

А потом позвонили еще раз, коротко и решительно.

— Отец, — сказала Раиса Семеновна. Она прислушалась. Из крана полилась вода: видно, он умывался. Потом она посмотрела на меня с милой, застенчивой улыбкой. — Хороший он у меня...

Ведь плохого слова за всю жизнь не слышала. Утром проснусь, а завтрак уж готов. Иной раз убегу — некогда. А он всех накормит, кому на работу к девяти, уберет и тогда уж сам уйдет. Вечером возьмусь что делать, а он: «Иди, мать, отдохни, я сам». Уговаривает меня не работать, а я привыкла, жалко бросать. Хоть и бабушка, а не старуха еще.

Она поднялась, прошла по комнате, остановилась у окна... Потом заговорила тихо, неторопливо, словно вспоминая первые дни жизни с любимым и любящим человеком, молодую свою любовь, которую она сумела пронести сквозь всю жизнь:

— Вот и нелегкую, кажется, жизнь прожили мы вместе со Степой, а лучшей мне не надо. Хотела бы я, чтобы и дети мои так же счастливы были в своей семейной жизни. Вон Коляка мой, весь в отца. Хорошо с ним будет той, кого он полюбит... — Потом вдруг, словно извиняясь, спросила: — Ну, как будто все рассказала?

Десятки вопросов вертелись у меня на языке. Мне хотелось узнать побольше о Гале, которая окончила техникум, не бросая работы, об Аллочке, Мишкиной маме, студентке стоматологического института, о Vere, об их молодых семьях, о том, удалось ли Раисе Семеновне научить дочерей тому, чему научилась у жизни она сама. Многое еще хотелось мне спросить у этой женщины. Но у меня не хватало духу задерживать ее. Я ведь знала, что ее рабочий день еще не окончен: ей нужно разнести вечернюю почту, а на кухне приготовлен тючок белья. Правда, белье поможет постирать Николай или кто-нибудь из девочек. Но тогда найдутся другие дела: куча детских чулочков с продранными пятками, их нужно заштопать, неглаженные рубашки мужа и, наконец, свежий номер «Огонька», который она отложила, чтобы прочитать на свободе.

В ОБХОД ЗАКОНА

Письмо в редакцию работниц Бийского кирпичного завода было сдержанным и деловым. Они писали, что у них введен неудобный сменный график, что недавно повысили нормы, но не объяснили толком, почему это сделали. Короче говоря, речь шла о самых насущных, жизненных интересах работниц. Под письмом 21 подпись.

И вот мы в Бийске вместе со старшим инженером нормативно-исследовательской станции Главкузбастроя тов. Исуповым. Прежде чем пойти на завод, побывали в тресте № 122, которому он подчинен. Начальник отдела труда и зарплаты треста тов. Дроздов усомнился в том, что письмо писали сами работницы: уж больно оно грамотное.

Несколько дней проводим на заводе, встречаемся с людьми, знакомимся с документами. И вот проверка письма закончена. Результаты решили обсудить на собрании. Пусть люди выскажут в глаза друг другу претензии и обиды.

Директор завода тов. Гаврилов и председатель завкома тов. Зайцев предупредили: коллектив пассивный, на собрание или беседу народ обычно не затащишь. На сей раз все было иначе: приглашали авторов письма — съемщиц кирпича, а пришло человек сто.

Мы знакомы со многими уже не только по подписям на письме. Вот Анастасия Николаевна Варганова — ленинградка, пережила блокаду, помогала фронту. В Сибирь приехала вслед за младшими братьями, откликнувшись на призыв комсомола взять шефство над стройками края. Нина Вагина — из ближнего села, кирпичницей стала, закончив школу. Зина Мушина, теперь Штенгаузэр, приехала из Москвы по путевке райкома комсомола. Лена Слободина — уже студентка местного механического института. Теперь кажутся смешными услышанные в тресте сомнения: могли ли съемщицы сами написать такое «грамотное» письмо?

Разговор начался сразу бурный, горячий. Видно, накипело у людей на душе. Речь поначалу зашла о том, чего не было в письме: об уважении к рабочему человеку, его достоинству. В один голос женщины говорили, как грубы мастера и начальники цехов, как обрывают их, не выслушав.

— К вам подойти нельзя, — прямо сказала директору съемщица Людья Черниченко. — Вспомните, как вы меня обозвали, ведь повторить стыдно. А я мать двоих детей.

И Гаврилов вынужден был признать: да, бывает, что и не так скажешь. Он обещает быть повежливее.

Пришлось ему признать правильным и другое: руководители завода мало привлекают рабочих к участию в управлении производством.

В мае администрация ввела новые нормы выработки. Событие чрезвычайно важное в жизни каждого рабочего. И тут очень важно, чтобы работницы знали, почему повышены нормы, правильно ли это сделано.

Да, нормы повышены правильно, по закону. Раньше они были несколько ниже, чем на других таких же заводах. Но в приказе директора написано почему-то иначе: «В связи с перерасходом фонда зарплаты на заводе нормы пересмотреть и повысить на 15 процентов». Рабочие удивились: почему это они должны отвечать за перерасход, ведь в сменах лишних людей нет? Приказ был издан 10 мая, а 11 мая — задним числом — на завкоме обсуждался вопрос о возможности пересмотра норм. Видимо, лишь для того, чтобы формально соблюсти установленный порядок.

Когда собранию рассказали об истинных причинах пересмотра норм, рабочие поняли это правильно.

Но вводя новые нормы, администрация обязана одновременно позаботиться и об улучшении организации производства и облегчении труда. На заводе этого не сделали.

— Сколько раз я говорила механику: низок у нас транспортер! — жаловалась Роза Лучинина. — Работать неудобно, трудно. Он все обещал: сделаю да сделаю.

Поднять транспортер, как выяснилось, — дело пустяковое. Тут же, на собрании, тов. Гаврилов распорядился, чтобы завтра же сделали это.

Руководство завода мало думает об улучшении условий труда. В цехах полутемно, крыша протекает, стены давно не белены, кругом валяется битый кирпич, по территории в дождь не пройти. А все это влияет на человека, на его работоспособность.

Говорили на собрании и о сменном графике. «Почему это так, — удивлялись работницы, — в то время как в стране идет движение за то, чтобы женщины поменьше работали в ночную смену, у нас наоборот получается?»

Еще недавно на заводе было два выходных дня в неделю при восьмичасовом рабочем дне. И вдруг директор изменил график, так как в тресте распорядились ликвидировать четвертую, подменную смену в целях экономии зарплаты. Из-за этого работницам приходится чаще выходить в ночь. Есть пересменки через восемь часов. Все это делается в нарушение установленных правил и трудового законодательства.

Достаточно заглянуть в соответствующие справочники, чтобы выяснить, что для участков с непрерывным процессом — а кирпичные заводы относятся к ним — предусмотрены восьмичасовые смены и короткая неделя, то есть именно то, о чем просят работницы. Перерыв между сменами меньше 16 часов запрещен КЗОТом.

В марте у всех рабочих вычли из зарплаты 25 процентов за брак. Конечно, бракоделов надо наказывать... «Но неужели на заводе все бракоделы?» — спросили рабочие у директора. И тов. Гаврилов только на собрании признал свою ошибку и пообещал наказывать впредь конкретных виновников брака.

Того, что уже сказано, вполне достаточно, чтобы сделать вывод: письмо работниц о неблагоприятном положении на Бийском кирпичном заводе — правда. Читатели, вероятно, удивляются, как могли профсоюзная и партийная организации допустить такое самоуправство директора. Откровенно говоря, мы тоже удивились этому. На собрании сидел председатель завкома тов. Зайцев. Сидел и мрачно отмалчивался. Что он мог сказать? Только то, что завком плохо защищал интересы работниц, шел на поводу у директора. А секретарь парторганизации тов. Кривов (по должности он отвечает за технику безопасности) и вовсе не пришел на собрание. Он отправился на семинар... по вопросам улучшения условий труда.

И руководители треста во многом виноваты. Вместо того, чтобы поправить тов. Гаврилова, научить его уважительно относиться к людям, они, наоборот, заставляли его нарушать законы, как было с вводом нового графика.

Р. ЛЕРМАН

г. Бийск.

Недавно в Москве проходил чемпионат Европы по академической гребле. Он закончился полным триумфом советских спортсменов. Во всех пяти видах состязаний они заняли первые места и завоевали золотые медали. Советская команда стала обладательницей переходящего приза «Ветряная мельница» за наибольшее количество набранных очков и приза имени Валентины Терешковой, присуждаемого за наибольшее число побед в чемпионате.

На снимке: победительница в заездах на лодках-одиночках, чемпионка Европы Галина Константинова.

Фото Н. Богданова.

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

Наталья Иосифовна Ильина — автор романа «Возвращение», напечатанного в 1957 году в журнале «Знамя», а также фельетонов и пародий, время от времени появляющихся на страницах наших журналов.

Ильина выросла в Китае, куда ее ребенком вывезли эмигрировавшие в 1920 году из России родители.

В 1948 году, уже вернувшись на Родину, будущая писательница поступила в Литературный институт, который спустя пять лет окончила с отличием.

Первая книга Натальи Ильиной — роман «Возвращение» — частично навеяна воспоминаниями, связанными с жизнью в Харбине и Шанхае. Сейчас писательница закончила вторую книгу романа «Возвращение», отрывок из которой мы помещаем ниже.

Полностью вторая книга романа будет опубликована, так же как и первая, в журнале «Знамя», а затем выйдет в издательстве «Советский писатель».

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Наталья ИЛЬИНА

...Дом номер девятнадцать оказался старым знакомым. В этом высоком сером здании было множество контор... О господи, сколько раз Таня ходила по этим этажам, спрашивала: не нужна ли машинистка? Знакомый вестибюль. Знакомый лифт.

Но на площадке десятого этажа Таня вышла из лифта впервые. Здесь была всего одна дверь. На двери медная доска, на доске буквы: «Телеграфное агентство СССР. ТАСС». От надписи, от тускло блестящей доски веяло чем-то недружелюбно-холодным...

Вся затея показалась вдруг Тане неладной. Она стояла и смотрела на медную доску и уже смутно надеялась, что поздно, что рабочий день кончился, что в ТАСС не попадешь. Нажала ручку двери. Ручка поддалась. Дверь оказалась незапертой. В маленькой передней сидел китаец в синей куртке и черных штанах. Он прихлебывал зеленый дымящийся чай и читал газету. Это был явно бой. Таня спросила по-английски мистера Зотова. Сейчас бой скажет: «А его уже нет». Но бой сказал: «Плиз уэйт!» — и ушел. Таня осталась одна. Противно сосало под ложечкой. Даже первой фразы Таня не приготовила. С чего начать разговор?

Вернулся бой и сказал: «Плиз кам».

Большевик сидел один в комнате с огромным письменным столом. Стол и человек за ним были так велики, что, казалось, заполнили собой всю комнату. Впрочем, какого роста был этот человек, Таня не знала. Большого, если судить по массивным плечам и крупной голове. Он не встал, когда Таня вошла. Поднял бритую голову и сказал: «Прощу». Густой бас. Голубая рубашка с закатанными до локтей рукавами. Пиджака не было. Галстука тоже не было.

Зотов сказал: «Присаживайтесь». Таня села и неожиданно для себя сразу начала говорить. Оказывается, этот дом — старый знакомый. Сколько раз она бывала здесь! Ходила по этажам, искала работу... Вот, знаете, как раз под вами, на девятом этаже, есть импортная контора, где...

Таня и сама не понимала, что нашло на нее. Она не привыкла к таким тяжеловато-неподвижным лицам с пристально-серьезным взглядом. Лицо это смущало, выбивало из колеи. И Таня, говоря, будто кнопки перебирала. Какую нажать, чтобы лицо этого человека приняло одно из знакомых, привычных Тане выражений? Любезно-вопросительное: «Чем могу служить?» Любезно-внимательное: это, когда объясняешь, зачем пришла. Любезно-огорченное: «Ничем не могу помочь!» Таня прекрасно знала, что эти любезности — просто маски. Но с масками было привычно, удобно.

А этот человек брезговал масками. Не счит нужным пристать, улыбнуться. С откровенной внимательной серьезностью смотрели его глаза. Будто разглядеть хотели: что же кроется за Таниной болтливостью?

И она вдруг услышала себя, смутилась, вспомнила о времени.

— Извините меня! Ведь поздно. Я вас задерживаю. Может быть, мне лучше завтра прийти?

— Зачем же? Раз пришли, сидите. Я часто задерживаюсь. Не очень-то вежливы были эти слова: «Раз пришли, сидите».

Таня стала торопливо объяснять:

— Я — пешком с французской концессии. Не ходят трамваи. Опять забастовка. И автобусы не ходят. Помните, на прошлой неделе была какая-то история с рикшами. Сегодня — трамваи. Просто ужас!

Губы Зотова дрогнули, будто он улыбнуться хотел, но раздумал. Сказал:

— Действительно. Просто ужас.

Таня покраснела. Он смеется над ней. Дуру из нее делает. Но сейчас он изменит о ней мнение. Когда узнает, зачем она пришла.

— Пожалуйста, скажите мне, что нужно делать, чтобы уехать в Советскую Россию? Я не знаю, куда обратиться, с чего начать... Я очень давно думаю о России. Но сейчас решила твердо.

Радостного изумления не появилось на лице Зотова. Он сказал:

— Вот как!

И протянул свою большую руку к плоской коробке с рисунком — черный силуэт всадника на фоне снежной горы. Зотов открыл коробку.

— Хотите курить?

— Я не курю.

— Хорошо делаете. Так, говорите, твердо решили?

Была между Таней и им какая-то стеклянная стена. Надо было разрушить ее, разбить, уничтожить. Какие найти слова? Но скрипнула дверь. Вошел бой и положил на стол пакет телеграмм. Знакомый пакет. Агентство Рейтер.

Зотов разорвал бандероль и тут же поднял глаза на Таню.

— Вы не торопитесь? Тогда извините меня. Я быстренько просмотрю.

И начал читать, подперев кулаком щеку. Таню что-то удивило, перебило ход мыслей. Что? Ну да. То, что человек этот в голубой без галстука рубашке, с закатанными до локтей рукавами, человек этот, с его необычным, нелюбезным лицом, читает по-английски. Читал он, правда, с некоторым напряжением, хмурясь и шевеля губами.

Направо от Тани было окно, налево, зажатый в угол, блеснул стеклом книжный шкаф. Шкаф казался хрупким рядом с этим столом и этим человеком... А за спиной Зотова висели географические карты. До половины скрытая зотовскими плечами и головой карта СССР. Рядом карта Китая. И еще одна, маленькая, утыканная флажками карта. Карта полуострова. Ах, вон оно что! Испания!

В этот момент Зотов повернулся к карте, и нахмуренно-внимательный профиль его с немного выдвинутой тяжеловатой нижней челюстью внезапно напомнил портрет Маяковского...
— Что там нового? — спросила Таня. — Я переводила утром что-то об Испании, но уже забыла...

Зотов оторвался от карты, взглянул на Таню, будто впервые увидел ее. Таня смутилась:

— Это все так далеко, что я...

— Далеко? Вы находите?

Непонятно звучал его голос. Похоже, что грустно.

Никто ни в чем Таню не обвинял, но ей внезапно захотелось оправдываться, что-то про себя объяснить, рассказать. Ведь этот человек, разминающий сейчас картонный мундштук папиросы, ровно ничего не знает о Тане, о ее жизни!

Ужасно оказалось трудно передать словами все то, что Таня почувствовала, увидев фильм «Чапаев». Полковник за роялем. Но что можно сказать о полковнике за роялем? «Я плакала. Глупо. Почему плакала? Я убедилась тогда, что революция...» А, до чего же беден человеческий язык! Не досказав про Чапаева, Таня перескочила на другое.

— Недавно в Ленинграде умерла бабушка. Она была замечательным человеком! Она любила Маяковского. Она ценила в нем его огромную требовательность к человеческому духу. Она...

— Как вы сказали о Маяковском?

Таня повторила, добавив:

— Только это не я. Это бабушка сказала.

— А здорово. Очень здорово!

Таня радостно улыбнулась. И, стремясь еще больше расположить к себе Зотова, сообщила, что не боится никаких трудностей. Она хочет жить в Ленинграде, учиться, ходить в Эрмитаж. Но прекрасно понимает, что в Советской России много еще трудного. Ну, там очереди, плохо с керосином, с валенками, карточки. Бабушка писала, что...

— Поймите! За какие годы эти письма?

Таня не знала. Она и не посмотрела на даты. Но это неважно, потому что...

— Неважно! Хорошенькое дело: неважно! Тридцать первый год — это одно. Тридцать пятый — уже совсем другое. А сейчас (Зотов кивнул на календарь) конец апреля тридцать седьмого. Картина-то меняется, а, как вы полагаете?

В голосе Зотова Тане послышалось раздражение. Она орбела.

— Я только хотела сказать...

— Я прекрасно понял, что вы хотели сказать. Вы мечтаете жить в Ленинграде, учиться, ходить в Эрмитаж. Очень хорошо. Ну-с, а если не Ленинград? Не Эрмитаж? Не учиться?

Только что налаживался какой-то контакт, и опять все рухнуло... Опять непонимание, опять стеклянная стена... Таня растерянно молчала. Что ему нужно от нее?

— Давайте вообразим, что попали вы не в Ленинград, а приехали с группой ребят, ваших сверстников, строить новый город. Разбиваете палатки. Вы ночевали когда-нибудь в палатке? В сапогах ходили? Портянки заматывать умеете?

Он улыбался, задавая эти вопросы. Холодно-веселая улыбка. Небрежно, мимоходом спросил:

— Слышали, как строился Комсомольск-на-Амуре? — И, не дожидаясь ответа, заговорил дальше: — Город этот строили совсем молодые ребята. Им всяко приходилось. От сырости сгнивала обувь. Мокрые матрацы. Бывали перерывы со снабжением. Бывали ливни и грозы. Много бывало.

— Значит, я... — вдруг перебила Таня, и голос ее зазвенел, — значит, я... Это потому, что я отсюда? Потому, что эмигрантка? Значит, меня пошлют строить?

— Чего это? — как бы очнулся Зотов. — А! Вон вы куда загнули! Да при чем тут... Лучшие ребята со всей страны строили Комсомольск-на-Амуре. Лучшие, понятно? И насильно их не тащили, сами ехали. Ехали из Ленинграда. Из Москвы. Из Киева и Ростова. Отовсюду. А что их гнало туда, а, как вы думаете?

Таня не знала, что их гнало туда. И, по совести, не очень этим интересовалась. Ее душило горькое разочарование. Ведь целую неделю она мечтала о встрече с Зотовым. Человек «оттуда» должен был обрадоваться Танюшному решению ехать в Советскую Россию. Должен был оценить Таню, понять, что она думающая, читающая, и как ей трудно здесь, и как она хочет жить честно...

А Зотов, массивный, бритоголовый, в рубашке с закатанными рукавами, курил и рассказывал о весне в тайге, о любви к необжитым местам, о том, как труд и вложенные усилия привязывают человека к месту.

Таня плохо вникала в его слова. Было странное чувство, будто Зотов предьявляет ей длинный счет, а ей нечем платить,

и Зотов знает это и издевается над ней... И Тане становилось тяжело и душно в этой заполненной Зотовым, его дыханием, его массивными плечами, запахом его папирос комнате...

Внезапно он замолчал и улыбнулся. Широкая, добрая, открытая улыбка, от которой лицо его сразу помолодело, стало нестрашным, почти домашним... Давно ждала Таня этой улыбки, будто знала, что Зотов способен на нее, но пришла она слишком поздно.

— Сознаться, я здорово вас напугал?

— Нет, почему же, — холодно ответила Таня. — Если уж я что-нибудь решила, то... Правда, я читала, что когда коммунизм, то человек сам ничего не может выбрать, а его заставляют. Но теперь я не верю, потому что бабушка пишет...

— Коммунизм? — перебил Зотов. — Где коммунизм?

— Как где? У вас. В России. В Советской России.

— Так вы полагаете, что у нас коммунизм?

Лицо у Зотова было невинно-веселое. Таня молчала. Опять какой-то подвох! А она уже не могла выносить подвохов. Она не хотела отвечать. Да и не могла: к горлу подступил ком.

А Зотов внезапно расхохотался.

— Итак, с одной стороны — карточки, а с другой — коммунизм! Милая вы моя! Да коммунизм построить еще надо! — Он все смеялся...

Внезапно Таня вскопчила, взяла свою сумку, лежавшую на столе, и кинулась к двери.

— Что с вами? Куда вы? — крикнул вслед Зотов.

Но Таня толкнула дверь. Коридор. Маленькая передняя. Синяя стена боя. Опять дверь. И лестница. Все десять этажей Таня бежала вниз, задыхаясь от слез...

* * *

...Массивный, широкоплечий, в белой с открытым воротом рубашке, Зотов с нахмуренной, деловитой серьезностью разглядывал витрину: шелковые розы, с обдуманной небрежностью раскиданные по полу, стеклянные подставки, увенчанные туфлями — парчовыми, шелковыми, замшевыми и лакированными.

Заметив Таню, Зотов спросил так, будто они встречались только вчера:

— У вас есть минутка? Вот какое дело. Есть возможность отправить жене посылку. Посоветуйте: что тут выбрать?

Три года назад в своем кабинете, на фоне развешенных по стене карт, этот человек показался Тане замкнутым, нелюбезным, непонятным, неприятным... А сейчас в нем все было понятно. Жена. Ему нужно сделать подарок. И обычная мужская беспомощность в таких случаях. Если не вмешаться, он непременно купит что-нибудь не то.

И Таня энергично вмешалась. Надо купить туфли «для послепоудня» на среднем каблуке, например, замшевые. Или «для утра» на низком каблуке. Таня была готова немедленно войти в магазин... Но магазин был уже закрыт.

— В общем и целом, — сказал Зотов, — вопрос мне ясен. Завтра своими силами справлюсь. И знаете, что? Разорюсь я на две пары. Пусть одна будет для утра, а другая, черт побери, для послепоудня! — И добавил, усмехнувшись: — То-то Катерина удивится. У нее за всю жизнь не было разом двух пар обуви.

— У меня тоже! — откликнулась Таня. Она испытывала сейчас теплое чувство к этому человеку. — Я покупала новые, когда старые уже надо было выбросить.

— Ясно. Только причины разные. У вас не было денег. А у нас так: деньги, предположим, есть, а вот купить другой раз нечего...

— Это ничего, — утешающе сказала Таня. — Со временем у вас все будет. Сейчас главное внимание обращено на тяжелую индустрию.

Зотов засмеялся. Продольные морщины на его щеках, когда он смеялся, превращались в ямочки, а лицо добрело. Таня добавила:

— Конечно, вам все это без меня известно. Я хотела только сказать, что я понимаю, что я думала...

— А о девушках наших думали? — весело спросил Зотов.

— Как это?

— А очень просто. Им сегодня хочется иметь эти туфли для утра, ну и для послепоудня, и шарфики, и бантики, и прочую дребедень. Сегодня. А не через десять лет и не через двадцать. Вот какие дела!

Таня искоса посмотрела на Зотова. Кого-то смутно напоминали и интонации его, и походка, и манера размахивать на ходу руками, и даже улыбка... Он ее поддразнивает, как тогда, как три года назад, но она не обидится, не убежит... Ей легко было сейчас с Зотовым. И нравилось идти рядом с ним, нравилось и то, что он удивительно не подходил к окрестному

пейзажу: двухэтажные, обклеенные рекламами автобусы, коляски рикш, голубые витрины...

— Вы хотите сказать: со стороны рассуждать легко? Может быть. Но я...

И тут же, перебив себя, Таня горячо заговорила:

— А впрочем, я думала. И думала вот о чем. Когда ни у кого ничего нет, вот вы сами сказали, что у вашей жены не было и ни у кого... Тогда это не страшно, потому что не унижает... И среди своих. И все вместе. А главное — знаешь, почему и ради чего!

Она запнулась и покраснела, почувствовав, что Зотов смотрит на нее. С минуту они шли молча.

Зотов вдруг громко свистнул.

— Извините! Скверная привычка. Это я вдруг сообразил, что мне надо было давно свернуть. Я живу на авеню Петан.

— А знаете, на кого вы похожи? — радостно сказала Таня. — Я это сейчас поняла, когда вы свистнули. На Сергеева. Из фильма «Путевка в жизнь».

— Сергеева? Пойдите... А! Которого Баталов играет? Польщен. Только вы ошибаетесь.

— Не лицом, а манерами, интонациями... И вот как вы сейчас свистнули.

— «Путевка в жизнь», — повторил Зотов. — Хорошая картина. Я ее два раза смотрел. Первый раз еще в Ленинграде. А второй, когда был студентом...

И Зотову вспомнился весенний вечер (март? апрель?), лужи, черные силуэты голых лип в сквере, и гурьба студентов на узенькой у бульвара мостовой, и зал кинотеатра, пахнущий почему-то опилками, и как все расслаживались, и Катин молодой профиль, и обшлага ее зеленой вязаной кофты, вылезавшие из слишком коротких рукавов пальто...

— Был я тогда на первом курсе, — добавил Зотов. — Отставал в учебе, а на носу сессия, в кино меня чуть не силком вытащили... Ну пошли! Что мы здесь стоим?

— Я бы так хотела знать, как живут студенты в общежитии! Знаете, что? — Танин голос звучал умоляюще. — Поблизости есть маленькое кафе. Если, конечно, вам не жалко времени...

На красном кафельном полу стояло несколько деревянных, некрашеных чистых столиков, и в кафе было пусто.

Бой принес на подносе две большие, толстые кружки кофе и тарелку с сэндвичами. Кофе был очень вкусный и крепкий.

— Все студенты живут в общежитии? — спросила Таня.

— Нет, зачем же. Только иногородние.

— А на что похоже общежитие?

— Вообразите себе широкий коридор, направо двери, и все они, предположим, настезе. Вы идете по коридору и видите железные спинки коек, и между прутьями обязательно торчат чьи-то ноги в носках. Весна. Ребята готовятся к сессии. Двери открыты для прохлады. Ну, так. Заглянем в комнату. У окна стол, по стенам койки, три или четыре. Под койками — стопки книг.

— Почему?

— А места нет. Стол завален, подоконник тоже. Ведь перед сессией книг скапливается целая уйма!..

Зотов рассказывал с удовольствием, не только потому, что Таня впитывала в себя каждое слово, но и потому, что самому хотелось вспомнить...

— Я любил нашу читалку, хоть тесновато там было и душно. И другие тоже любили. Туда вечерами приходили заниматься студенты, у которых в Москве и папа, и мама, и дома все условия...

— Я понимаю, — сказала Таня. — Я бы тоже ходила. Совсем другое дело — читать и заниматься не одной, а всем вместе... Знаете, меня когда-то очень удивило, что советские студенты получают стипендию...

— Не воображайте, — сурово сказал Зотов, — что этой стипендии хватает на туфли для послеполудня.

— А мне наплевать было бы на эти туфли. Если бы вы знали, как я всегда мечтала учиться!

— Учиться... — повторил Зотов. — Учиться... Ох, как трудно было учиться! Трудно таким, как я, которые из армии с деревянным чемоданчиком... — Зотов усмехнулся. — Слово «Гермер» услышал впервые в возрасте двадцати пяти лет. Вы и представить себе не можете, до чего было трудно. Но как интересно! Жадность была непомерная. Все хотелось знать! — Я понимаю.

Но Зотов, казалось, не слышал этих слов. Он смотрел куда-то мимо Тани. Скулы порозовели, глаза блестели, стали больше.

— К книгам относились, как к святыне какой-то. Профессоров глазами ели. А какие ребята были!.. Впрочем, может, вам неинтересно?

— Что вы! Мне интересно. Мне все ужасно интересно!

— Один был у нас из пастухов... Мы с ним и спали рядом

Рисунки Н. Гордейчика.

и сидели рядом... Сейчас он уже аспирантуру заканчивает. Сам, небось, лекции студентам читает.

Зотов вздохнул, потянулся за папиросами, поднял голову и, встретив Танин взгляд, вдруг улыбнулся. Напряженно-немигающе-взволнованные серые глаза. Будто первокурсник лекцию слушает. И Зотов улыбнулся.

— А знаете что? Вы бы там у нас прижились. Я как-то легко могу себе вас там представить.

Таня радостно покраснела.

— Ну, что вы еще хотите знать? Да, кстати. Не думайте, пожалуйста, что это уж очень удобно — жить в общежитии. Знаете, как бывало? Мне, предположим, надо к докладу готовиться, а сосед вслух зубрит английскую фонетику, и читалка в этот час закрыта. Хорошо, если не зима. Пойдешь на кладбище, сядешь на скамейку... Кладбище Новодевичьего монастыря было от нас рядом, рукой подать...

— Новодевичий монастырь? Тот самый? Где Софья? Где Борис Годунов?

— Какой же еще? Его, кстати, здорово было видно из окна нашей комнаты... Нам с Катей, когда мы поженились, дали комнату в том же общежитии.

Зотов всегда помнил, как впервые вошел в эту комнату — чистую, пустую и светлую. Прямо против двери — квадратное большое окно, все голубое от апрельского за ним неба. А слева — колокольня Новодевичьего монастыря и проплывавшее одинокое белое облачко...

— Вы сказали: «нам дали комнату». Кто дал?

— Как кто? Институт. Ну, какие еще будут вопросы?

Зотов спросил это, улыбаясь, но, взглянув на Таню, перестал улыбаться и добавил:

— Никакой идиллии и райской жизни не было. Да, была комната с чудесным видом. И забота о нас государства. Ну, а с бытом было скверно. Помню я нашу умывалку — черт-те что!

Зотов говорил это, а сам думал: ведь тогда он этого не замечал. Это сейчас он понимает, до чего скверно было с бытом. И Зотов не собирался скрывать это от Тани. Слишком любил он те годы своей жизни, чтобы оскорблять их приукрашиваниями... Но когда Таня сказала: «Это не так важно!», — Зотов сердито перебил:

— Все важно. Незачем впустую тратить нервы!

— А здесь... Здесь вся жизнь идет впустую.

Наклонив голову, Таня погасила окурок в уже переполненной пепельнице.

Язык мой — друг мой

Все хорошо знают русскую народную поговорку: «Язык мой — враг мой». В этой поговорке отразилась неприязнь народа к болтунам, которые своей болтовней приносят вред не только окружающим, но в первую очередь самим себе. Слово «язык» в этой поговорке обозначает орган речи, находящийся во рту. Но слово «язык» имеет и другое значение: им называют самую речь, состоящую из слов и предложений. И этот язык — наш большой и верный друг.

Язык необходим людям, чтобы сообщить свои мысли другим и таким образом общаться друг с другом. Нет такой науки, нет такой сферы общественной деятельности, где бы можно было обойтись без языка. Без слова, без языка не может быть знаний. Даже думать без языка невозможно. Самое общество человеческое не могло бы возникнуть и развиваться без языка. Поэтому язык называют не только орудием общения, но и орудием борьбы и развития.

Но любое орудие приносит пользу только тогда, когда оно отвечает своему назначению и находится в руках умеющего им пользоваться, знающего его в совершенстве.

Из всех орудий человека язык — самое замечательное и самое сложное. «Не умея держать в руках топор, дерево не стешешь, а не зная языка хорошо, красиво, просто не напишешь», — учил А. М. Горький.

Русский язык — один из самых богатых и красивейших языков мира. Он богат и словами, и формами, и разнообразными конструкциями предложения. А хорошо ли мы его знаем и правильно ли им пользуемся? Всегда ли точно и ясно выражаем свои мысли и чувства?

Чтобы в совершенстве овладеть русским языком, надо прежде всего хорошо знать его грамматику и словарь. С помощью грамматики создается связная и понятная для всех речь. Чи-

тая и изучая лучшие произведения художественной литературы, вдумчиво и внимательно относясь к каждому слову, к каждому отдельному выражению, можно обогатить и свой запас слов и свое умение разнообразно и точно строить предложения.

Только тот ясно мыслит, кто ясно излагает, и, наоборот, только тот ясно излагает, кто ясно мыслит.

Школа, радио, телевидение, журналы, словари, пособия, справочники помогают овладеть грамматическими правилами и словарным богатством русского языка. Велика ответственность и родителей за правильную и красивую речь детей. Особенно много может сделать мать, которая учит ребенка говорить.

В последних номерах «Работницы» под рубрикой «Правильно ли мы говорим?» было напечатано несколько заметок писателя Бориса Тимофеева о чистоте и правильности русской речи. Заметки вызвали большой интерес читателей. В редакцию идут письма с просьбой расширить этот раздел, разъяснить значение многих слов и выражений, научить правильному произношению, посоветовать, как изучить русский язык, объяснить смысл и происхождение ряда поговорок и т. д. и т. п. Идея навстречу пожеланиям читателей, начиная с этого номера, мы открываем в журнале специальный отдел «Язык мой — друг мой», в котором систематически будут помещаться статьи и заметки о родной русской речи.

К участию в журнале мы привлекаем видных писателей, ученых-филологов, педагогов. Отдел будет выходить под общей редакцией старшего научного сотрудника Института русского языка Академии наук СССР, доктора филологических наук Надии Александровны ЯНКО-ТРИНИЦКОЙ.

«Халатное отношение»

«Халатное отношение», «халатность», «халатничать»... Как появились все эти слова? Есть ли у них какая-нибудь связь с «халатом»?

Оказывается, есть, и самая непосредственная. Просторная домашняя одежда — халат — не располагает к серьезным мыслям и действиям. Свободный покрой, широкие рукава, распадающиеся полы, которые надо придерживать... Прибавьте к этому туфли-шлепанцы, чубук в руке и глубокое кресло — вот вам портрет русского помещика XIX века, изнывающего от скуки и безделья в своем имении. Вспомните у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах»: «Кифа Мокшевич, человек нрава кроткого... проводил жизнь халатным образом».

Небрежность в одежде как бы предопределяет и неаккуратность, небрежность в делах и поступках. И не случайно поэтому выражению «халатно относиться к чему-нибудь» близка по значению поговорка: «делать что-нибудь спустя рукава» (то есть кое-как, с ленцой, неумело или небрежно; буквально: не потрудившись засучить рукава старинной «тепруги»). Напротив, слово «подтянутость» обозначает не только опрятность в одежде, но и точность, аккуратность в действиях и словах человека.

Л. СКВОРЦОВ,
научный сотрудник Института
русского языка АН СССР

Говорите правильно!

За буквами е и ё скрываются разные звуки, например: села (девочка села на стул) и сѣла (сѣла богатеют). Однако всегда букву ё ставят только в книгах для начальной школы, а в печати, предназначенной для взрослых, обычно обходятся одной буквой е. Может быть, поэтому в некоторых словах произносятся неправильно звук, скрывающийся за общей буквой е.

Произносите е:	Произносите ё:
шлем	свѣкла
хребет	молодёжь
дверка	шофёр
атлет, легкоатлет	заём
опека	договорённость
истекший	силён
афера	планёр
блеф	щёлка
бытие	берѣста
гренадер	амѣба
ячменный	щёлкать
оседлый	щёрстка
современный	хлѣстче
плеск	старѣвщик
отсекший	околѣсца

В словах, имеющих звук ё, ударение всегда делается на этом звуке.

«Первосортный» брак

С продукцией борисоглебской швейной фабрики № 3 мы познакомимся в магазине «Детский мир» в г. Воронеже. И скажем откровенно, это знакомство не порадовало. На кройш테인ках висели детские пальто из грубых тканей жухлых пыльно-черных и пыльно-синих тонов. Даже неопытному глазу нетрудно было заметить огрехи швейников: неровные строчки, небрежно заделанные петли и швы, досаждающие от утюгов борта и карманы. Продавец отдела готового платья Люся Андреева рассказала, что весной этого года магазин забраковал и вернул фабрике большую партию мальчишковых пальто, у которых были неправильно вшиты рукава, перекошены воротники и полы.

— И что удивительно, — возмущалась Люся, — на всех пальто стоял штамп ОТК фабрики: «Сорт первый!» Ну, скажите, как же так? Явный брак пропускают первым сортом?

На этот Люсин вопрос могли ответить только борисоглебские швейники. И вот мы на фабрике.

— Да, на складе лежат пальто, возвращенные магазинами и базами, — признается главный инженер фабрики Нина Алексеевна Некрылова. — Сколь-ко? Примерно пять тысяч...

—?!?

— Вас удивляет цифра, — вмешивается в разговор начальник ОТК Лариса Ивановна Ищенко, — но учтите, наша фабрика молодая, много неопытных работниц. А потом план... Если работницы будут обращать внимание на детали, они не смогут выполнить норму.

Да полно, товарищи, в плане ли дело? И так ли он велик, если фабрика из месяца в месяц его перевыполняет? Давайте поищем другие причины, мешающие коллективу хорошо работать.

Пять тысяч забракованных пальто — это примерно месячная продукция ста работниц! Казалось бы, сам этот факт должен вызвать тревогу в коллективе. Но даже на участке, где шьют пальто для мальчиков (а забракована главным образом эта продукция), работницы «что-то слышали», «какие-то пальто исправили», но сколько всего возвращенных вещей, не знают.

Слабым отголоском как будто чужой, далекой вины звучали эти слова. Не было в коллективе разговора о чести фабричной марки, о рабочей совести, разговора прямого, откровенного и поучительного, который помог бы вскрыть серьезные недостатки в организации труда. А в этом, как мы убедились, главная причина всех бед.

Фабрика считает необходимым изменять все модели, выкройки которых она получает. Ну что ж, не нравятся ленинградская или московская модель, пожалуйста, меняйте форму рукава, воротника или добавляйте какую-либо другую деталь, которая, по вашему мнению, украсит пальто. Но у фабричных конструкторов, которые берутся за переделку лекал, не хватает еще уме-

ния, опыта. Конструктор Нина Наседкина призналась честно:

— Иной раз ломаешь голову, и так и этак прилаживаешь — не выходит; потом махнешь рукой и начинаешь кое-как подгонять.

А если так, то зачем переделывать лекала, созданные опытными конструкторами других фабрик? Фасоны мальчишковых пальто не требуют большого разнообразия, как, например, платья для девочек. Важно, чтобы они хорошо сидели.

На других фабриках, когда конструкция разработана, лекала изготовлены, новый образец осваивается, прорабатывается, как говорят швейники, мастерами и рабочими цехов. Это значит, что шьются несколько вещей в опытным порядке, и лишь потом начинают массовый пошив.

На борисоглебской фабрике такой практики нет. Поэтому мастера и не могут сразу заметить недоделки конструкторов, а недоработанные модели полным ходом идут в производство.

Известно, что качество костюма прежде всего определяется покроем.

Первое, на что мы обратили внимание, — это неправильная раскладка ткани при раскрое.

— Позвольте, кто же так кладет ткань? Почему вы не выравниваете кромку?

Главный инженер Нина Алексеевна Некрылова и мастер Александра Николаевна Мельникова согласились, что при раскрое грубо нарушается технология.

Что это, отсутствие опыта? Нет, небрежность! Ведь в свое время фабрика послала начальника подготовительного цеха Егорова на московскую швейную фабрику № 9 специально изучать опыт экономного кроя. Истрачено время, командировочные, а цех как работал, так и продолжает работать по старинке. Начальник цеха по возвращении даже не поделился с работницами тем, что сам увидел на передовом предприятии.

Крой — дело серьезное. Чуть сдвинулась ткань, и деталь испорчена. Неточно рассчитал ткань, и остаются немерные куски. А эти остатки доставляют много хлопот. Их уже кроют вручную (на этой операции занято 6 работниц в каждую смену), к ним отдельно подбирают подкладку, бортовку. Дело это трудоемкое, работницы не справляются. Мастера участков то и дело прибегают в подготовительный цех и сами начинают подбирать фурнитуру. Время дорого, а швейницы простаивают!

Так небрежно скроенные, по неточным лекалам детали поступают в производство. Швей, конечно, сразу же обнаружат, что, например, слишком выхвачена пройма и поэтому рукав не встает на место. По совести бы вернуть недоброкачественно скроенную вещь обратно в кройный цех, но тогда неминуем простой, страдает заработок. И, не раздумывая долго,

Рисунок М. ПЕТРОВА.

швей, точно резину, растягивает рукав. На других операциях то же: где подтянут, а где, наоборот, приседают или подправят утюгом. И пошло, пошло. Совсем как в басне И. А. Крылова «Тришкин кафтан»!

А в результате тысячи бракованных пальто!

Позвольте, спросит нас, как же пропускают такую продукцию контролеры ОТК? Надо сказать, что каждое пятое пальто ОТК возвращается на переделку. И все же в отделе технического контроля требования к качеству занижены. Иначе чем можно объяснить, что явно бракованные пальто оцениваются на фабрике как первосортные?

Есть на фабрике и общественные инспектора. На участке № 2 эту работу фабком поручил швее-мотористке Юлии Андреевне Петровой и бракеру Римме Николаевне Пажитновой. Но, по рассказам самих же инспекторов, их контроль малодействен.

— Ну, что толку, если мы раз в три недели сделаем замечание кое-кому из работниц и вернем ту или иную деталь на переделку! Одну переделают, а сто пройдет. Вот если бы фабком почаще собирал всех общественных контролеров и по результатам наших проверок обсуждал бракоделов, тогда бы и к нам на участках было иное отношение, с нами бы считались.

Вернемся к забракованной продукции, которая лежит на складе. Как бы ни выгораживала себя администрация, две тысячи пальто возвращены из-за нарушения технологии кроя. Ну, а остальные? Перепутана ткань: пальто для девочек сшиты из ткани, пригодной лишь для мальчишковых пальто. Казалось бы, специалисты-швейники должны разбираться, из какой ткани следует шить одежду детям вообще и в частности дошкольникам — девочкам и мальчикам.

Часть пальто магазин не взял из-за того, что фабрика поставила подкладку не в тон ткани. По мнению главного инженера, это мелочь, придирака торгующих организаций и что вообще не фабрика виновата в этом, а Московская шелковая выходная база, которая присылает подкладку только серого цвета.

Поднимаем документы и выясняем, что, оказывается, база-то тут ни при чем: она в точности выполнила заказ фабрики, которая требовала... только серую подкладку. К чему же свали-

вать вину с больной головы на здоровую?

Мы далеки от того, чтобы охавать весь коллектив борисоглебской фабрики. Разве скажешь что дурное об участке, где шьют пальто для самых маленьких? Здесь работницы по праву заслужили высокое звание ударниц коммунистического труда. Их продукция радует покупателей, только благодарности получают они за свою работу. И очень жаль, что их опыт не используют в других цехах. Почему бы, например, не создать школу передового опыта, где занятия вели бы лучшие производственники фабрики?

Наверное, следовало бы послать работников ведущих участков (а не только начальников цехов) на лучшие швейные предприятия страны для изучения передового опыта. Кстати, эти пожелания мы слышали от самих работников.

Теперь о тканях, из которых шьют детские пальто. Мы уже говорили, что, как правило, они блеклые, скучные, грубые.

— Хороших тканей получаем мало, — говорит главный инженер. — Нашу заявку удовлетворяют едва ли наполовину и заставляют брать ткань, которая не подходит для детских пальто, например, ведомственное сукно.

— Неправда, — возражает заместитель начальника управления поставки тканей швейной промышленности «Росглавтекстильснабсырья» Л. А. Хананова. — Мы уже давно не навязываем фабрикам то, чего они не хотят брать...

Но тут уж мы никак не можем согласиться с вами, тов. Хананова. Как же тогда объяснить тот факт, что борисоглебская фабрика в первом полугодии получила почти 30 процентов грубосуконных тканей? А ведь заявки были и на «Звездочку», и на «Юность», и на другие полюбившиеся покупателям специальные детские ткани. Но на фабрику их не прислали ни метра. На второе полугодие снова заказаны эти ткани, и снова в графе получения стоит прочерк. Просмотрев документы, мы убедились, что в практике бывает так: в начале квартала фабрика не знает, какую ткань пришлет ей база. А ведь по-настоящему ткань надо опробовать, прежде чем запустить на конвейер. Но у швейников нет времени изучить ткань, и тысячи метров идут из контейнера прямо в цех.

Разговор о качестве и расцветке тканей для детской одежды — это особый, большой и важный разговор. Справедливые претензии швейники предъявляют к текстильщикам и химикам. Мы же коснулись только тех трудностей, которых могло бы и не быть при лучшем планировании в распределении тканей.

Рейдовая бригада

М. МОРОЗОВА — главный товаровед базы «Росторгодежда», г. Воронеж; Н. БУКУРОВА — инженер швейной фабрики детской одежды № 4, г. Москва; Л. МАРГОЛИНА — корреспондент «Работницы».

Русская гарibaldiйка

Однажды — это было в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году — поутру, в час, когда по камерам разносили утренний хлеб, перед комендантом одной из самых страшных тюрем Рима — тюрьмы Сан-Мисель — предстала необычная просительница. Молодая, красивая, хорошо одетая женщина молила разрешить ей свидание с женихом.

— Будьте человечны, — говорила она, рыдая, — ведь это — последнее наше свидание!

И жестокий комендант сдался: женщину провели и заключенному. Она бросилась и узнину и, обнимая его, незаметно передала записку — план побега.

Вскоре Лунджи Кастеллаццо — другу и адъютанту вождя итальянской революционной демократии Дж. Гарibaldi — удалось бежать из тюрьмы. Его спасительницей была русская женщина, детская писательница Александра Николаевна Толиверова.

Необычно сложилась судьба этой замечательной женщины. В 1861 году Толиверова вышла замуж за художника В. И. Якоби и вместе с ним уехала за границу. Несколько лет супруги провели в Италии, где Александра Николаевна подружилась с итальянскими революционерами и, в совершенстве изучив итальянский язык, стала активной помощницей гарibaldi-дейцев.

Рискуя жизнью, ухаживает Толиверова за ранеными гарibaldiйцами, собирает для них белье, продовольствие, одежду и деньги.

Не случайно слух о беззаветной храбрости русской женщины доходит до самого Гарibaldi. Тогда-то он и решает просить ее проникнуть в тюрьму Сан-Мисель, чтобы устроить побег Лунджи Кастеллаццо...

Восхищенный подвигами своей землячки, художник В. П. Верещагин по приезде в Рим попросил Александру Николаевну позировать ему. Она охотно согласилась.

Все знавшие Толиверову и видевшие портрет утверждают, что художнику удалось передать обаяние отважной женщины, ее непосредственность и мягкость.

Оригинальный портрет, который мы воспроизводим в этом номере, хранится в Ленинграде, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

...Итальянский период жизни Толиверовой закончился ее поездкой на остров Капрера к Гарibaldi.

В том же году Гарibaldi написал Толиверову письмо, в котором восхищался ее отвагой и благодарил за помощь. Кончалось письмо такими словами:

«...Через Вас я шлю сердечный и искренний привет Вашему храброму народу, который будет играть большую роль в грядущих судьбах мира.

Всегда Ваш Дж. Гарibaldi».

Вернувшись в Россию, Толиверова посвятила свою жизнь борьбе за равноправие русской женщины.

Все ее многочисленные статьи в журналах посвящены этой теме. Статьи Толиверовой и вся деятельность русского женского общества, одной из руководительниц которого она была, носили феминистский характер. Она не понимала, что борьба за интересы женщин есть часть общей борьбы пролетариата против власти царя, помещиков и капиталистов.

Много сделала Толиверова и для воспитания подрастающего поколения. С юных лет она сотрудничала в иллюстрированном журнале для детей младшего возраста «Игрушечка». С 1887 года она стала во главе этого журнала и в течение 30 лет оставалась его бессменным редактором и издателем, привлекая к участию в журнале лучших русских писателей: М. С. Леснова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Л. Н. Толстого...

С 1894 года одновременно с «Игрушечкой» она начинает издавать и журнал для женщин — «На помощь матерям», а позже издает и редактирует журнал «Женское дело».

За время многолетней редакторской и издательской деятельности Александры Николаевны не однажды разорялась, отдавая журналам все свое состояние.

Человек необычайной активности, Александра Николаевна принимала участие и в работе ряда международных и национальных женских конгрессов. Дочь Толиверовой, Вера Сергеевна Чоголова, не так давно передала мне автограф Толиверовой — черновой набросок ее выступления на конгрессе швейцарских женщин, состоявшемся в сентябре 1896 года в Женеве. Свое выступление на конгрессе Александра Николаевна закончила словами: «Сила в единении... Только в борьбе люди делаются сильными».

А. Н. Толиверова дожила до Великого Октября. Она восторженно встречала сообщения о первых завоеваниях революции. Мечта ее жизни осуществилась: она увидела наконец русскую женщину свободной.

Скончалась Александра Николаевна 1 декабря 1918 года.

Портрет Верещагина, который вы видите на соседней странице, не единственный портрет Толиверовой. Образ матери — центральный в картине В. И. Якоби «Привал арестантов» — художник писал со своей жены А. Н. Толиверовой.

В. НЕВЛЕР-ВИЛИН,

кандидат исторических наук

Мавляя ИКРАМ

Учительница

Благодатная осень. Бродит ветерок среди листьев зыбких. Бродит, трогает, как прохажив, яблоки, круглые, как улыбки, гранат, на солнце похожий...

Шарофатхон, учительница, тоже бродит по саду, нежная.

Груша из листьев высунется, чтобы с ней поздороваться вежливо.

Бродит, запахи сладкие впитывает, остановится, улыбнется —

вот садовник плоды выращивает, света полные, точно солнце, чтобы они были сахара слаще, полнокровными были, зрелыми...

А садовников тоже выращивают чьи-то руки, чьи-то умелье...

Кто-то в этих мальчишках розовых

золотое зерно находит — и вождей, и солдат, и философов кто-то в люди выводит.

От начала веков и поныне за учителем первое слово — расцветет ли роза в пустыне и будет ли хлеба вдоволь!

Груша из листьев высунется, чтоб поздороваться вежливо.

Шарофатхон, учительница, бродит по саду, нежная.

Я не знаю, о чем она думает,

но мне кажется,

но мне кажется,

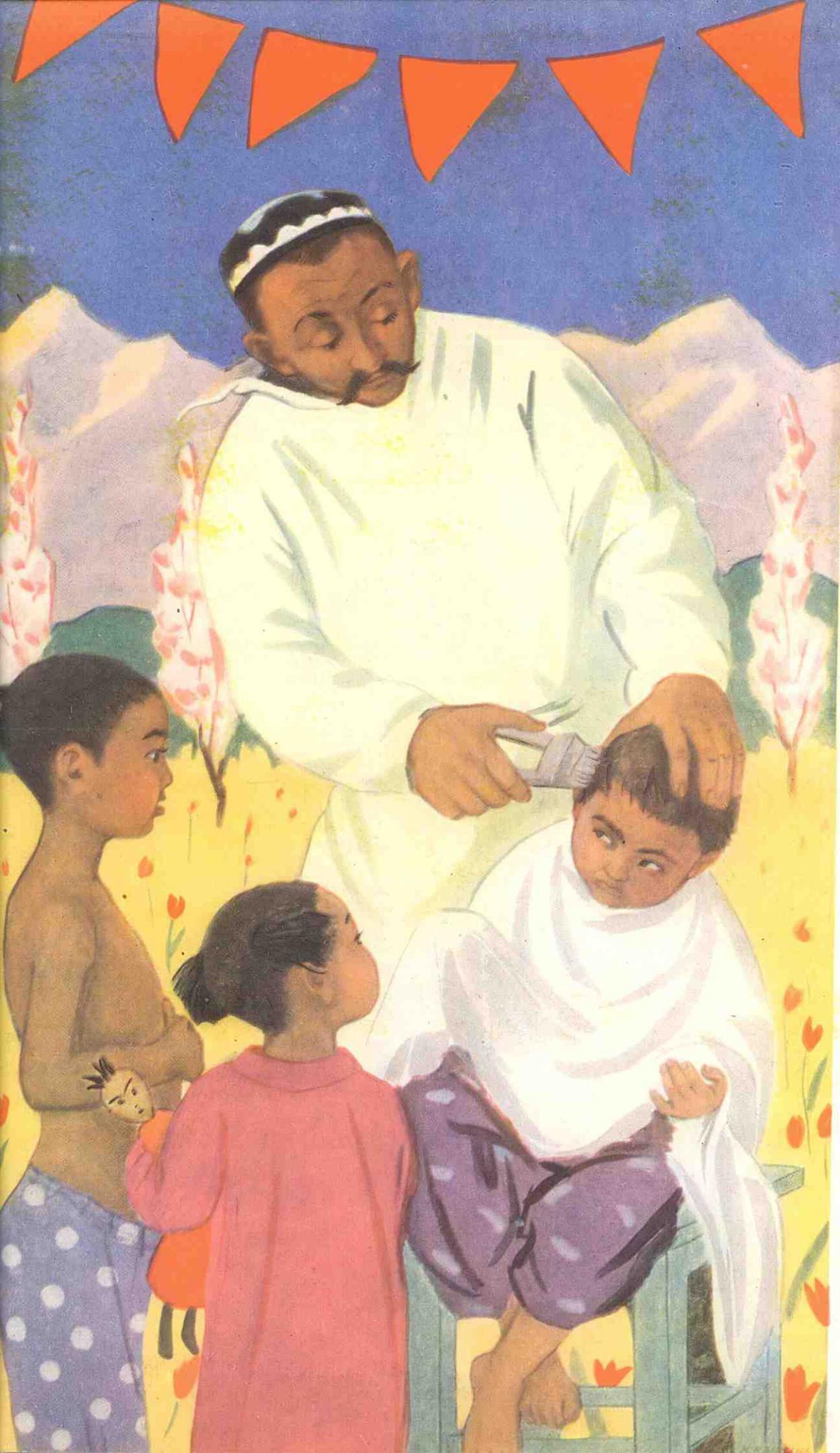
что листья расступается шумная, затихает пред ней на мгновение и что сад к ней полон почтения, почти что благоговения...

Перевел с узбекского

Александр ЯНОВ.

B. W. ...
1880

Н. КАШИНА. ДЕТИ ВСТУПАЮТ В НОВУЮ ЖИЗНЬ.

ЗОРИ НАД ПИНОЙ

Владимир ФРАНЮК

Есть на земле такая река: Пина. Течет она в Западной Белоруссии — крае лесов, болот и изумительных зорь.

Поднимаясь и опускаясь, солнце себрит прибрежные мокрые луга, сгущает синие туманы над тихим течением, зажигает и тушит огни древнего города.

Правда, о возрасте самого Пинска теперь напоминают разве только несколько сохранившихся старинных построек. В остальном город выглядит вполне современно — с люминесцентными лампами на центральных улицах, башенными кранами, кварталами типовых пятиэтажных жилых домов. В общем, изменилось тут, кажется, все... Лишь зори над Пиной остались прежними. Я подумал об этом, как только вступил на пинскую землю.

...Лето этого года в Полесье выдалось жаркое, грозное. Под дождем мокли вылинявшие на солнцепеке афиши, но вскоре теплый ветерок уже шелестел обрывками высохшей бумаги. Одна из таких старых афиш и привлекла мое внимание.

Не знаю, возможно, кто-нибудь смог бы по-своему объяснить такое совпадение, а я просто стоял и ошеломленно перечитывал крупную, изрядно поблекшую надпись: «Зори над Пиной».

Из афиши можно было узнать, а точнее, догадаться о масштабе не очень давно проведенного в городе праздника: дождь еще не успел смыть упоминания о «Дне театра», «Дне песни»... Причем в «Дне песни», вычитал я, выступал коллектив клуба «40 лет Октября»!

С этого, пожалуй, и началось мое знакомство с клубом Пинского фанерно-спичечного комбината.

Большая часть рабочих комбината — женщины. Многие из них помнят, как сходились в домок на Вербовой улице усталые после смены, низко повязанные платками, изождавшиеся с войны сыновей, мужей и женихов работницы — фанерщицы, спичечницы. Может, поэтому и пели тогда все больше печальные песни. От них почему-то на душе становилось легче... Это были первые шаги комбинатского клуба.

Сейчас на Брестской улице вырос настоящий Дворец культуры — высокий, белостенный, с броскими стендами афиш, планом зрительного зала над окошком кассы и со своим, хорошо известным в городе репертуаром.

Люди приходят сюда не только на репетиции или в кино. Они становятся в очередь у дверей библиотеки, склоняются по вечерам над листами выкроек, слушают лекции, смотрят танцы, обсуждают спектакли и фильмы. Волнуют людей и вопросы, связанные с бытом, внешним обликом и, конечно, поведением человека.

Клуб помогает людям находить правильные ответы, учит понимать прекрасное, наслаждаться им. Но прекрасное, естественно, не только наслаждение, но

и воспитание — воспитание и чувств и характеров. И это в той или иной форме делают участники самодеятельности.

Я убедился в этом, попав на один из цеховых летучих концертов. Кстати, концертная агитбригада клуба выступает не только в цехах, на клубной сцене, но и в рабочих общежитиях.

Концерт проходил во время обеденного перерыва на строительстве громадного фанерного цеха. Рабочие сходились со всех сторон, рассаживались или полулежа располагались на досках, ящиках — все дочерна загорелые, многие с бутылками молока в руках.

Клубный музыкант Степа Кохнюк, пока прибывал народ, не переставая, играл на аккордеоне марши и вальсы.

Начали, как всегда, с песен. Солистка — полировщица Клавдия Диденко, в сером рабочем халатике, поет и тербит в руках косынку. Гололосок у Клавдии подкупающе чистый и звонкий. Он свободно вырывается из-под высокого свода цеха, и на этот голос все идут и идут люди.

Аплодируют громко, по-свойски, искренне.

— Даешь «По соседству мы живем!» «Гандзя-птыцю»!

Степа с улыбкой кивает и стремительно проводит пальцами по клавиатуре аккордеона.

Обычно получасовая программа клубной агитбригады составляется перед выступлением. Ее участники хорошо знают аудиторию, интересы слушателей и к каждому концерту стараются подготовить что-нибудь новое, отражающее жизнь коллектива комбината. Вот и сегодня строителям фанерного цеха порядком досталось за отставание. Действительно, монтажники простаивают, да и транспорт частенько подводит... И вот уже забыт надкушенный помидор, гаснет между пальцами папироса — слушают и думают люди.

И пусть через четверть часа они вернутся к бетономешалкам, автокранам, пусть слегка поверчат на критику — и все же обязательно в суете работы перебросятся хоть словом об услышанном во время обеденного перерыва, а позже, может быть, дома, кто-нибудь подумает и о прожитом дне и о том главном, что еще предстоит сделать.

Работница коробко-клеечного цеха Аня Лобачевская считает главным многое: во-первых, нужно окончить техникум, во-вторых, занять первое место на областных соревнованиях по легкой атлетике, в-третьих, получить ведущую роль в новой пьесе, которую принимали к постановке в клубе, в-четвертых...

Аня начала было загибать один за другим пальцы, потом вдруг чего-то стеснялась и смущенно махнула рукой. Уточнить дальше планы молодой девушки мне показалось неактивным, и я тут же попросил Аню рассказать о своем драматическом коллективе, и

ли можно, о городском празднике искусств.

— Ой, как нас принимали! — обрадовалась Лобачевская близкой теме и тут же спохватилась: — Нет, вы лучше о нашем хоре напишите. Он же лучший в городе. И обязательно упомяните про Вало Шмыреву, она у нас солистка. Хорошо поет и комсорг Алла Шидловская и Мария Командирчик...

— Хорошо. А с каким спектаклем вы выступали на городском празднике с таким чудесным названием «Зори над Пиной»?

— С музыкальной комедией Рубинштейна «С любовью трудно справиться»... И еще запишите Раю Остапенко. Она тоже хористка, заканчивает вечернюю школу, член бригады коммунистического труда.

— Записал. А вы мне все-таки, Аня, расскажите подробнее об участниках самодеятельности.

Мы проходим по цехам, и девушка знакомит меня с актерами: Лидией Васильевной Мишуруковой, Иваном Михайловичем Пикусом.

Инженер Ирина Яковлевна Белошицкая тоже занимается в драматическом кружке. Перед обеденным перерывом она обычно проходит между станками, поднимая руки. Это означает: кто хочет узнать последние новости, должен подойти к столу в углу цеха. Как правило, подходит большинство. После обзора газет Ирина Яковлевна читает что-нибудь из художественной литературы. В те дни, когда я был в Пинске, в цехе заканчивали чтение «Дубровского».

А с Зинаидой Сергеевной Стасенко я познакомился в прачечной комбината. Она долго, прежде чем подать руку, вытирала ее о фартук, о себе говорила скупое: «Работаю прачкой, двое детей, член партии, очень люблю театр — нет, мало сказать люблю, театр, сцена помогают мне жить, работать, растить детей. Одним словом, будет время, приходите к нам на репетицию».

В репертуаре драматического коллектива клуба пять спектаклей. Среди них драма Раннета «Блудный сын», комедия Макаенка «Извините, пожалуйста», водевиль Стефанского «Нечистая сила»... Все спектакли, по признанию городской общественности, исполняются на вполне профессиональном уровне. Вот почему о коллективе фанерно-спичечного комбината в городе говорят как о прочно сложившемся рабочем театре.

А сами комбинатские просто не представляют теперь жизни без клуба, без его спектаклей, без привычных для всех лекций, читательских конференций, которые часто проводит библиотекарь Броня Герман, без музыкального сектора, без хора и, конечно, без агитбригады.

Ни одно событие на комбинате не обходится без участия клубных активистов. Когда провожали на пенсию старейшую работницу сборочного цеха Марию

Родителям

ЗА ПАРТОЙ

...Школьный класс полон. Только вместо ребят за партами на этот раз сидят взрослые. Идет родительское собрание. Папы и мамы с интересом, а порой и с беспокойством ждут, что скажет педагог об их детях.

Учитель называет имя Бориса Горохова. Молодая женщина с натруженными, привычными к работе руками поднимает встревоженные глаза.

Когда история ее сына, одаренного мальчика, будет рассказана до конца, не только Борина мать, а и все присутствующие на собрании родители задумаются над тем, какой чуткости, твердости и доверия требует нелегкое дело воспитания.

Задумаются над этим, бесспорно, и многие зрители нового фильма «Большие и маленькие». Картина, созданная по мотивам «Книги для родителей» А. Макаренко, рассчитана в первую очередь на взрослых. Но и этому фильму никак не отно-

сится знакомое всем нам предупреждение: «Дети до 16 лет не допускаются». Новый фильм адресован одновременно и большим и маленьким. Каждый, посмотревший его, почерпнет для себя немало полезного.

Автор сценария И. Маневич, упорный пропагандист в кино литературного наследия А. Макаренко (ему принадлежат фильмы «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях»), на этот раз построил фильм на трех новеллах, обрамленных сценами родительского собрания. Но только одна из новелл является прямым перенесением на экран рассказа А. Макаренко. Две другие лишь образно развивают мысли талантливого педагога.

Интересно рождение первого сюжета фильма — истории о Боре Горохове. Когда в печати появились сообщения о съемках картины, посвященной вопросам воспитания, на киностудию имени Горького пришло письмо некоей М. Африней. Заметив пристрастие сына к рисованию и лепке, она решила бороться с этим «несерьезным» увлечением: выбрасывала карандаши, рвала рисунки, уничтожала фигурки, вылепленные из хлеба. Только много позже поняла она, как неправда была, подавляя стремления ребенка, талант которого очень нуждался в поддержке.

Это письмо помогло сценаристу создать новеллу о юном художнике Боре Горохове.

Другая новелла фильма сделана по рассказу А. Макаренко «Вишневое платье». Бережно следуя за содержанием рассказа, авторы фильма позволили только одну вольность: они перенесли действие в наши дни. Думаю, что поступили правильно. От этого и без того «живучая» проблема жертвенно любящих родителей и их избалованных, неблагодарных детей стала только острее.

Смотреть на экран и недоумевает: как могло случиться, что всеми уважаемая, любимая на работе женщина, авторитет для молодежи, дома превращается в безропотное существо, в некий «обслуживающий персонал»? Сын встречает мать неизменным воплем: «Есть хочу, как крокодил!» Дочка, студентка Тамара, ненасытна в требовании модных туалетов. «Ты свое отжила», — без конца говорит она матери. Отец этой семьи в отношении к жене ничем не отличается от сына и дочери. И самое удивительное, что скромная, трудолюбивая женщина долгое время считала свое нелепое, оскорбительное положение в семье нормальным.

После долгих раздумий Вера Игнатьевна пришла к печальному выводу, что причиной ее безрадостного существования в семье была слепая материнская любовь, перешедшая в вечную жертвенность. К сожалению, случается, что большое материнское чувство порой рождает у детей эгоизм, душевную пустоту, жадность, а у мужа — небрежное равнодушие.

...С грустью и горькой обидой глядя вслед уходящему навсегда из семьи мужу, одиноко стоит у окна женщина. И вот рядом с ней вырастает фигурка сына. Мальчик своей маленькой рукой молча сжимает руку матери. Так кончается третья новелла, рассказывающая о судьбе Евгении Алексеевны Соколовой — матери двоих детей.

Содержание ее образно раскрывает убеждение А. Макаренко в том, что в случае разрыва между родителями дети обязательно должны знать правду.

А. Макаренко был твердо уверен в том, что, став отцом, мужчина обязан воспитывать своих детей и что никакими деньгами не откупиться от отцовских обязанностей. В тех же случаях, когда он решает уйти из семьи, у детей не должно быть ложных иллюзий на его счет. Этой сложной теме и посвящена последняя новелла.

Нередко в фильмах о детях взрослые играют слабо, и, наоборот, порой очень опытные режиссеры оказываются беспомощными в работе с детьми.

В «Больших и маленьких» и взрослые и дети одинаково хороши.

Отлично играют героини трех новелл — Л. Иванова (Борина мать), Н. Меньшикова (Вера Игнатьевна) и С. Павлова (покинутая жена — Евгения Соколова).

Как всегда, колоритен и обаятелен артист Л. Свердлин в роли старого рабочего.

К сожалению, молодому артисту В. Ливанову не удалось образ учителя. Но надо сказать, что и роль выпала на его долю не столько трудная, сколько дидактическая, хотя в самом фильме дидактика отсутствует. Фильм лишь напоминает родителям, что ребенок каждый день открывает для себя мир, и в этом познании ему надо уметь и вдумчиво помогать.

Как напутствие родителям звучат заключительные слова картины: «Когда в вашей семье появляется первая детская «неурядица», почему вы не оглядываетесь назад, почему не приступаете и ревизию собственного поведения?»

О. ОЛЬГИНА

Иванову Ивануцкую, из клуба неожиданно явился в полном составе рабочий оркестр. Чествовали Марию Иванову с музыкой, с музыкой грузили на машину подаренную ей комбинатом мебель и с музыкой же отвезли растроганную до слез работницу домой.

Или, например, детский сектор, тоже созданный при клубе. Под предводительством Надежды Степановны Будник ребята участвовали в нескольких экскурсиях в авиапорт, на кожевенный и судоремонтный заводы, не раз ходили в лесные походы. Побывали как-то даже в пожарной охране. Представляете, в ка-

ком восторге были они, когда в честь их прихода самый главный дядя-пожарный объявил настоящую тревогу!

Не менее ребят довольны, конечно, и матери. Они знают: когда мальчишки и девочки попадают в руки Надежды Степановны, можно за них не волноваться.

С осени комбинат открывает при клубе детскую музыкальную студию с классами фортепьяно и баяна. Заявлений от родителей уже поступило втрое больше, чем предполагалось.

Я видел их, босоногих, с выгоревшими на солнце волосами и облупившими-

ся носами, — новое пополнение белостенного дома на Брестской улице. Это от них я впервые услышал о певцах, декламаторах и актерах из клуба «40 лет Октября».

И, может быть, тогда я впервые понял, что утренние и вечерние зори не только серебрят мокрые прибрежные луга, прикрывают синими туманами тихое течение полесских рек, зажигают и гасят городские огни. «Зори над Пиной» зажигают также человеческие сердца, открывают таланты, делают жизнь рабочих людей интереснее, содержательнее, радостнее.

ДЕТИ ЧЕРНЫХ РАВНИН

Р. ИЗМАЙЛОВА

Они живут далеко друг от друга, в разных департаментах Франции, но подружились на пути в Москву. Много общего было в их жизни в этом году — одни и те же тревоги, радости. Вот почему они сразу почувствовали близость друг к другу — тоненькая голубоглазая Мари-Терез Луазон, жена углекопа из Па-де-Кале, и энергичная темноволосая Мадлен Фюмрон, жена рудокопа из Лотарингии. Мне довелось познакомиться с этими молодыми французенками в дни Всемирного женского конгресса и узнать от них много важного о жизни французских шахтеров.

Мы бродим по Выставке достижений народного хозяйства, осматриваем павильоны, любуемся красивой игрой струй фонтана, беседуем.

Еще мало видела в своей жизни Мари-Терез. Поездка в Москву — ее первое путешествие в большой мир. Оно так широко раскрыло перед ней горизонты, что я только и слышу:

— Ах, это удивительно, мадам!

Что же удивляет Мари-Терез? Да все, к чему мы давно привыкли.

— Вот когда приеду домой, — говорит она, — посажу своего Мориса и папашу Станислава на диван. Дам мужу русскую трубку и скажу: «Ты с работы приходишь — слова от тебя не добыешься, только слышу: «Устал, Мари, оставь меня!» А у меня есть много о чем тебе рассказать. Ведь я была на Красной площади. Была в удивительном метро, откуда трудно уйти: так там красиво. Я видела большой колокол в Кремле. Была на этой чудной выставке, где повсюду висят портреты людей, знаменитых в труде, — простых рабочих, как ты, как папа».

Знаете, если папаша Станислав мне не поверит, я ему расскажу, как узнала на портрете одну старушку крестьянку, которая была на конгрессе. Помните ее — в черных сапожках, с орденом на груди? У нее глаза такие смелые и очень трудная фамилия.

— Надежда Заглада? — напоминаю я.

— Вот-вот, она! Нет, нелегко это представить. Кукуруза и слава! Забой и слава!

— Как ты думаешь, Мадлен, — обращается она к подруге, — мне поверят, что я танцевала в Большом Кремлевском дворце? Никогда не забуду этот вальс. И как все они кружились, эти женщины, — смуглые, светловолосые и темнокожие!..

Голубые глаза Мари сияют, милая улыбка освещает бледное лицо.

— Знаешь, — продолжает она, — мне сказали, что в этом зале святого Георгия на Новый год устраивают огромную елку. И маленькие москвичи ходят туда веселиться. В такой дворец, понимаешь! Нет, никто не поверит у нас... Куда там!

В ПИКЕТЕ СТОИТ МАДЛЕН

Мадлен Фюмрон немного моложе тридцатичетырехлетней Мари-Терез, но выглядит строже, собраннее. Нет, ее еще не покинули печальные мысли, и она делится со мной своими тревогами.

— Вот вы бывали у нас в шахтах, значит, немного знаете наше житье? Мне, — говорит Мадлен, — даже трудно представить, что будет дальше. Я знаю: четыре тысячи восемьсот рудокопов собираются уюлить. Кто среди них? Мой Пьер. Отцы других детей. ...Семья Фюмрон живет в небольшом шахтерском поселке, вблизи города Брне. У них неплохая квартирка, удобная, чистая. Только если лишиться работы, сразу съезжай: жилье принадлежит компании.

— А куда идти? — думает вслух молодая женщина. — С чего начинать новую жизнь? Чем заниматься? У Пьера после одной из аварий задет позвоночник, у меня, увы, никакой профессии нет. Так что на работу рассчитывать трудно. Но дома зато уйма дел.

— Сколько у вас, мадам, детей? — спрашивает она у меня и, услышав ответ, восклицает: — Ну, это пустяки! У меня уже четверо: Мартине — одиннадцатая, Жану-Клоду — девять, Шантали — восемь, а Патрику — пять. Зажмурьтесь и представьте, сколько у меня за день возни. Готовлю, шью, убираю, а когда вяжу всем теплые фуфайки и носки, то одним глазом почитываю газету «Юманите» или наш шахтерский журнал «Лотарингские подземники». А в этом году были у меня посерьезнее заботы. В дни забастовки я дежурила в рабочем пикете у шахты. Недаром считают в шахтерской среде: «Если и женщины согласны с забастовкой, то жди победы».

— Наши углекопы, — вступает в разговор Мари-Терез, — живут победнее, чем у вас на рудниках, Мадлен. Пять недель мы бастовали этой весной. Женны держались, матери не жаловались. У меня здоровье плохое, меня в пикете не брали. Но я помогала детишек кормить, когда было голодно. Морис мне тогда сказал: «Иди, Мари, нельзя оставаться дома. У нас нет своих детей, помоги другим». Знаете, какое было серьезное положение! Полно полиции, жандармов во всех поселках. Ведь правительству готовилось принудить шахтеров силой спуститься в шахты. Во Франции это называется «реквизицией рабочей силы». А в случае отказа начались бы немедленные увольнения, аресты. Власти могли бы открыть и стрельбу.

...Мы вспоминаем письмо, которое шахтерские жены написали тогда министру промышленности Франции Бокановскому. Мадлен говорит, что это письмо захватили с собой в Париж рудокопы, отправлявшиеся в известный всему миру марш протеста. Женщины до сих пор помнят строки из письма:

«В XV веке, господин министр, была одна Жанна, Жанна д'Арк. В XX веке все жены шахтеров дол-

жны быть, как Жанна, и следовать голосу своего сердца и совести. А это ведет к борьбе. И женщины будут бороться до конца, за лучшее будущее для своих детей».

МАРСЕЛЬЕЗА ШАХТЕРОВ

Марш протеста! Мадлен и Мари-Терез вспоминают о своих друзьях, отправившихся тогда в столицу.

На огромной площади Инвалидов перед Военным музеем в ту среду, когда началась третья неделя героической забастовки шахтеров, было необычное скопление приезжих. Автобусы, грузовики прибывали один за другим. Их караван растянулся почти на пять километров. С крыш автобусов, превратившихся в импровизированные трибуны, они рассказывали о своем тяжелом положении.

«Когда-то шахтер често был. Сейчас шахтер из последних последний!» — слышалась горькая фраза. «Наша профессия потеряла будущее. Что сулит нам завтрашний день? Только беду», — говорил другой оратор.

А толпа все росла. Парижские студенты, направляясь к площади Инвалидов из Латинского квартала, тоже присоединились к бастующим. Стоя на тротуарах, рабочие столицы восклицали: «Единство, шахтеры! Мы с вами!» Железнодорожники остановили поезда, и мертвая тишина воцарилась на столбчатых вокзалах. Стали вагоны метро. Свежие вести люди сразу передавали друг другу.

— Вы слышали, советские докеры в Клайпеде из солидарности перестали грузить уголь во Францию! И в Риге! И в Одессе! И в Польше!

Кто-то запевал шахтерскую «Марсельезу», давнюю спутницу всех французских горняцких забастовок:

Дети черных равнин, вперед!
День победы и славы придет!
Против нас, «чернолицых»¹,
Против нас, горняков,
Двинут строй
полицейских штыков!

¹ Так называют себя шахтеры во Франции.

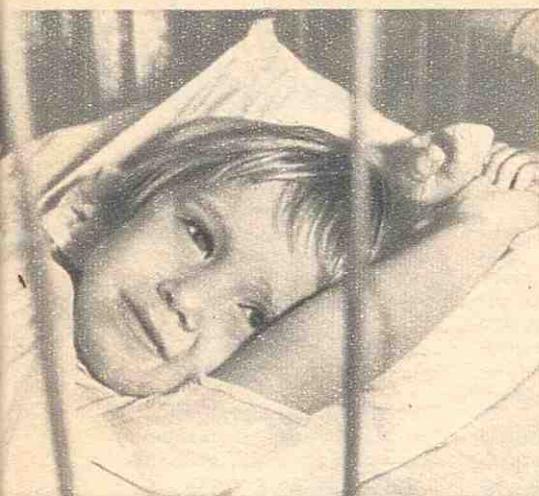

Фото А. Шнайдера.

Советы врача

СОН РЕБЕНКА

Сон — защитник, хранитель и цельитель утомленных, перевозбужденных, уставших нервных клеток коры головного мозга. Заменить сон нельзя ничем. Легче перенести жажду или голод, чем недостаток сна. Как верный страж нашей нервной системы, сон оберегает здоровье человека начиная с первых дней жизни. Вот ребенок только что ро-

дился. Час от часу он растет и крепнет. Сон охраняет его от излишних раздражителей. Поэтому-то младенец спит почти целые сутки.

Здоровый ребенок, которому уже исполнился год, спит не менее тринадцати, а семилетний — одиннадцати часов.

Детям в возрасте от десяти месяцев до двух лет рекомендуется спать днем два раза, а с двух до семи — один раз. Дневной сон обязателен для ребят-дошкольников. Мозг ребенка в этом возрасте особенно бурно реагирует на все внешние воздействия, а сон тормозит, как бы снимает излишнее возбуждение, перенапряжение.

Чтобы малыш спал спокойно и крепко, очень важно соблюдать правильный режим дня. Приученный в определенные часы играть, есть, гулять, ребенок и засыпать будет легко, без капризов и укачиваний.

Необходимо, чтобы у ребенка была отдельная, своя кроватка. Ни в коем случае не кладите ребенка в свою постель — это негигиенично. Советуем летом поставить детскую кроватку или коляску на балконе, в палисаднике, под тенью дерева: сон на свежем воздухе глубже и здоровее. Если у вас нет балкона и вы живете далеко от сада или сивера, откройте в комнате окно или форточку. Это надо делать и ночью. Зимой, в морозы, можно ограничиться проветриванием комнаты перед сном.

Молодые матери нередко жалуются, что новорожденный плохо спит по ночам. В большинстве случаев виноваты в этом сами матери. Была у меня одна пациентка-мать, которая очень любила крепкий чай и кофе. В чае, как и в кофе, содержатся возбуждающие вещества. С молоком матери они попадали в организм ребенка, и потому ребенок плохо спал. Но стоило ей перестать пить крепкий кофе и чай, как ребенок начал великолепно засыпать.

Нередко причиной беспокойного сна бывает вредное для детского организма перегревание. Не кутайте малыша на ночь, отодвиньте его кроватку от печки или батареи, и сон наладится.

Укладывай спать, не качайте ребенка. Эта безобидная на первый взгляд привычка очень вредна. Не рассказывайте перед сном страшные сказки — это вызывает ночные страхи, плач.

Не следует перекармливать детей на ночь. Вместо обильного ужина доста-

точно дать ребенку стакан сладкого киселя или молока. Ведь во время сна пищеварительные процессы, как и все остальные, тормозятся, кроме того, переполненный желудок затрудняет дыхание, и от этого возникают кошмарные сны.

Быше мы говорили о малышах. А как быть со школьниками? Спать ли им днем? Конечно, дневной сон им тоже полезен, но они, как правило, днем не спят. Поэтому необходимо следить за тем, чтобы ночью дети спали спокойно и крепко, не менее девяти-десяти часов. Недостаточный сон вредно сказывается на развитии. Ребенок становится бледным, вялым, раздражительным, жалуются на головную боль. На уроках такой ученик заметно отстает от других в сообразительности, у него слабее внимание и даже память.

Нередко причиной того, что младшие школьники с трудом засыпают и беспокойно спят, служит напряженная умственная работа — приготовление уроков — перед самым сном. Все занятия за полчаса-два часа до сна нужно прекратить.

Возбуждающе действуют на ребенка шумные игры, яркий свет, резкая музыка, включенный телевизор.

Как же следует проводить вечерние часы, чем занять ребят? Лучшее «снотворное» — спокойная вечерняя прогулка. Хороши также тихие игры — рисование, лепка, рассматривание картинок. Легкое утомление зрения способствует быстрому засыпанию.

Настроение отхода ко сну поддерживается и привычкой мыть на ночь руки, ноги, чистить зубы. Эти гигиенические навыки не только служат здоровью, но и создают условный рефлекс, который помогает быстрее заснуть.

Некоторые родители водят с собой вечером в гости детей и там демонстрируют их «таланты»: «Спой песенку, расскажи стишок». И это в то время, когда ребенку давно положено спать. Не делайте этого! Школьники до десяти лет должны ложиться не позднее 9 часов. Чтобы ваш ребенок был жизнерадостным, уравновешенным, создайте ему все условия для здорового, крепкого сна.

Л. БОГДАНОВИЧ,
кандидат медицинских наук

Эта песня родилась еще в 1948 году в тюремных камерах, когда во время крупной стачки много углекопов было арестовано. Прошло 15 лет, и с той же силой звучат эти слова на площади Парижа.

Огромный размах приобрела в этом году забастовка шахтеров. Газеты объявили в те дни, что 230 тысяч шахтеров Франции не выходят на работу. Затихли угольные и железорудные районы страны. Обезлюдели соляные копи. В парижских домах стоял пронизывающий холод; не хватало топлива. И все же жители столицы не выражали своего неудовольствия. Те, кто трудится, знают, сколько усилий стоит рабочему человеку долгая и напряженная забастовка. И какую нужду она несет с собой!

Мне приходилось раньше видеть на парижских улицах, как подходили к прохожим скромно одетые люди и коротко объясняли: «Шахтерам еще надо

держаться!» И почти всегда вслед за этой фразой звенела монета, опущенная в кружку.

И вот опять все это повторилось. Печать ежедневно сообщала: от учителей Па-де-Кале — 50 тысяч франков, от группы рабочих завода Рено — 13 тысяч, от инженеров Лотарингии — 150 тысяч, от студентов Сорбонны — 500 тысяч франков. Шли во Францию переводы из Донбасса. Ехали грузовики с хлебом от углекопов Бельгии. К бедствующим мужественным горнякам протянулось много дружеских рук. Великая сила — солидарность трудящихся людей!

Так было в марте — апреле 1963 года. И сейчас грозный призраок безработицы навис над шахтерами.

«ВЫ УВОЛЕНЫ»

...Мы все еще сидим на выставке около нарядного «Каменного цветка». Мад-

лен тревожно говорит:

— Вы видели газеты? Начались увольнения. Умирают французские шахты. Еще три рудника закрывают у нас в Лотарингии. Опять на улице четыреста шахтеров! Жены шахтеров снова борются вместе с мужьями, участвуют в демонстрациях, собираются на митингах в Лангеберге.

Известно, что все это происходит потому, что монополиям стала невыгодна добыча угля и железа во Франции. Пренебрегая интересами рабочего класса, французские капиталисты предпочитают импорт вместо своей добычи. А что делать шахтерам? Увы, об их судьбе не думают. Просто присылают домой письмо с кражким уведомлением: «Вы уволены».

...Мари-Терез сидит грустная. Все пережитое снова встало перед ней. Я расспрашиваю ее о жизни.

— Учиться мне почти не пришлось, — говорит

Мари. — Сказать вам по секрету, я даже плохо справляюсь с делением и умножением. Всю жизнь так хотелось стать медсестрой, работать в больнице!

Разговариваешь с Мари и Мадлен и убеждаешься, как всколыхнул их, простых французских женщин, бурный 1963 год. Обремененная домашними заботами Мадлен поняла, что в такие дни нельзя жить в стороне. Она вступила в Союз французских женщин, а теперь уже стала руководителем местной секции шахтерских жен.

Мадлен спрашивает меня:

— Сколько часов продолжается рабочий день советского горняка? У нас он восемь часов.

— В Советском Союзе шесть часов, — отвечаю я. И опять слышу хорошо знакомую реплику, но произнесенную уже голосом Мадлен Фюмрон:

— Это просто чудесно! Это удивительно!

Перед нами письмо. Его прислал молодой отец Анатолий Н. Вот что он пишет: «Совсем недавно жена подарила мне дочь. Я бережно принял шевелящийся комочек. Не буду описывать, какие чувства владели мной. Они были, конечно, хорошие, отцовские. Но вот что меня волнует. С первых же дней наша дочь показала себя «очень живым» жильцом: понимаете, она плохо спит, часто кричит, ревет (а голос звонкий, певичей, наверное, будет), все время шевелит руками, ногами, головой. Когда смотришь на нее в этот момент, кажется, будто она хочет выбраться из одеяла и убежать. Пробовали ее и разворачивать. Все равно! И вот теперь у нас дома часто возникают разногласия. Я, как могу, подбадриваю жену. Но она плачет вместе с дочкой и пытается мне доказать, что у дочурки или «грыжа», или «щетинка» там какая-то, что дочь надо «снести к бабке». Уважаемая редакция! Ну почему к бабке? Я пытаюсь и сейчас пытаюсь отговорить, пытаюсь послать жену к врачу, а она мне: «Ничего твои врачи не понимают!» Видите, какое дело».

Да, дело может обернуться плохо, если молодая мать понесет ребенка не в детскую консультацию, а к знахарке, наверное, в домин на окраине, где за маленькими, подслеповатыми окнами орудует «вседающая» бабка. Представьте, принесет ей малыша с высокой температурой, с острой болью в животе. Это может быть дизентерия, диспепсия, острое пищевое отравление, аппендицит... И в каждом случае необходима срочная медицинская помощь. Болезнь еще не зашла далеко, организм в состоянии сопротивляться, ему нужно помочь. А разве спасут малыша нашествия, причитания, обрызгивание водой? Как можно, например, «заговорить» грыжу, если к тому же произошло ее ущемление? Ведь тут счет идет на часы. А при некоторых заболеваниях, например, аппендиците, — на минуты. Ребенок подвергается смертельной опасности, если вовремя не вызовут врача.

И вот пока бабка просто-напросто морочит голову доверчивым родителям, болезнь развивается. Упускаются те драгоценные минуты, часы, дни, когда еще можно преградить путь недугу. Организм малыша ослабевает, и тогда перепуганные мама и папа бегут к врачу. Хорошо, если не поздно.

«Трудно сознаться, — пишет Римма Мороз из г. Макеевки, — но в смерти своей маленькой дочери повинна я сама. Много раз мне говорили медицинские работники, что надо сделать прививку Нине против дифтерии. Я никого не хотела слушать, заперла квартиру, убежала. А когда Нина заболела, я сделала вторую ошибку: обратилась к врачам на пятый день, когда было уже поздно».

О БАБКАХ, МОЛОДЫХ МАМАХ И ДУРНОМ ГЛАЗЕ

Детский врач — лучший друг семьи, где растут маленькие дети. Врач вооружен богатейшим опытом медицины, ему на помощь приходят точные методы исследования — рентген, лабораторные анализы.

Даже у самого молодого врача за плечами шесть лет учебы, работы в клиниках, лабораториях под руководством опытных медиков. А какими знаниями богаты, чем руководствуются бабки? Алчность и жадность к деньгам — вот что толкает их на бесконечные сделки с совестью, на обмен слишком доверчивых мам.

Уж сколько раз мы устанавливали, что внуки такой «целительницы» постоянно посещают поликлинику! Там на них заведена обыкновенная медицинская карта, как на сотни других детей. Бабка тщательно скрывает свою беспомощность... А звучит жаль: ведь свои.

Возвратимся к началу нашего разговора. Действительно, некоторые грудные дети очень беспокойны. Обычно причина — изменения в деятельности желудочно-кишечного тракта: либо ребенок голоден, либо его беспокоят вздутие, газы в кишечнике, запор, болезненное учащение стула. В каждом случае врач посоветует, как помочь ребенку.

У самых маленьких иногда появляется, чаще всего на спине, усиленный волосяной покров. Сало, выделяемое кожей, загрязняет волосы, и они становятся жесткими, стягивают нежную кожу малыша. Он плачет. Не это ли называют «щетинкой»? Но тут дело только в гигиене: если систематически делать ребенку ванны, они избавят малыша от беспокойства. Никакой же «щетинки» под кожей ребенка нет и быть не может.

Беспокойство новорожденного может быть и следствием неблагоприятно протекавших беременности и родов. Если в течение нескольких минут после рождения ребенок самостоятельно не дышал, то в дальнейшем он может быть излишне криклив. В таких случаях необходима консультация невропатолога, который выяснит, нет ли у него серьезных изме-

нений в центральной нервной системе, правильно ли он развивается. Иногда ребенок с последствиями родовой травмы прогибает спинку дугой, откидывает назад голову. В этом случае причина его ненормального поведения — повышенное внутричерепное давление.

Если это так, ребенку будут назначены средства, улучшающие деятельность мозга, снижающие общее возбуждение. И опять врач — только врач! — в состоянии избавить ребенка от недуга, помочь ему.

А вот еще письмо от матери из Моршанска: «Я не верю, как говорят, в «дурной глаз». Но недавно у нас были гости, веселились, пили чай, и все, конечно, смотрели и хвалили нашего Андрюшку. Мы, чего скрывать, гордились и радовались. Но после ухода гостей мальчик стал беспокойным, плакал, плохо спал. «Сглазили», — сказала свекровь. А что я могу возразить? Ведь получается действительно так».

Нет, дорогой друг, получается совсем не так. В комнате, переполненной людьми, к тому же громко веселящимися, Андрюше было душно, неуютно, а главное, утомительно. А вы, вместо того чтобы доискаться истинных причин беспокойства сынишки, с легкостью поверили в нелепый предрассудок.

Протрите помещение, вытрите влажной тряпкой пол, и вы увидите: сын постепенно успокоится и будет снова весел и жизнерадостен. Плакал Андрюша отнюдь не от «дурного глаза», который вы приписали своим друзьям, а просто его нервная система да и весь хрупкий, неокрепший организм не могли выдержать такой нагрузки.

Правильный режим — самое главное для ребенка.

Если при воспитании ребенка возникнет какое-либо сомнение или спор между родителями, лучше всего обратиться за советом в детскую консультацию.

И. ЕЛИЗАРОВА,
кандидат медицинских наук,
Г. НИКУЛИНА

ТКАНЬ ПРОТИВ ОГНЯ

...Пожарный проник в горящий дом. Вокруг него бушует пламя. Но как только языки огня касаются костюма пожарного, пламя сразу отступает.

Негорящая ткань... Это не фантазия, а действительность. В Ленинградском институте текстильной и легкой промышленности получены синтетические волокна с огнестойкими свойствами. Исходным сырьем для них служит поливиниловый спирт, обработанный особым составом, в который входят фосфорные соединения. При приближении пламени ткань разогревается, и волокна начинают выделять вещества, надежно защищающие от огня.

Не только пожарным требуется невоспламеняющаяся ткань. Из нее можно будет делать портьеры, занавеси, обивочный материал для мягкой мебели в теат-

рах, на кораблях, самолетах — словом, она найдет себе применение всюду, где нужна повышенная противопожарная защита. Огнестойкие свойства ткани сохраняются и после стирки.

МИКСТУРА ДЛЯ ОВОЩЕЙ

Таблетки и порошки принимают не только больные люди. Сейчас в нашей стране стали выпускать специальные «лекарства» и для сельскохозяйственных культур. Одной таблеткой, растворенной в ведре воды, достаточно для подкормки растений на площади в один квадратный метр. Полив производится дважды в течение вегетационного периода. Таблетка эта не что иное, как концентрат нескольких микроэлементов, необходимых для жизни растений. Она содержит медь, цинк, молибден, йод, бром, кобальт. Овощи и ягоды, выращенные с помощью такой пилюли, получают значительно вкуснее и питательнее, а урожай их повышается на двадцать процентов.

Таблетки для огородов изготавливает рижский завод

Наука и техника людям

«Реагент». На этом же заводе выпускают и порошки — смеси солей, содержащих некоторые из указанных элементов. Их агрономы «прописывают» семенам кукурузы, зерновых и зернобобовых культур перед посевом.

Рисунки В. Житникова

Беспокойный «жилец»

Квартира у нас хорошая. Жили мы тихо, спокойно, пока... не купили холодильник. С него-то все и началось: и бессонные ночи и обиды соседей. Наш холодильник шипит, гудит, воеет, издает какие-то громкие хлопки. Отключается то через каждые пять минут, то через час. Вызывали мастеров из гарантийной мастерской. Долго они с ним возились, но ничего сделать не смогли. «Такой уж,— говорят,— родился». А родился он в Саратове в декабре 1962 года. Есть у него и паспорт: «Саратов II», агрегат 31262-121, номер холодильника Е-436. Подпись контролера неразборчива.

Т. ТРИФОНОВА

г. Темиртау,
Казахской ССР.

Три года в поисках подрядчика

Десять лет на нашем заводе не строилось ни одного детского учреждения, хотя потребность в этом была, и немалая. И вот наконец в 1961 году завод получил возможность приступить к строительству детского комбината на 140 мест за счет фонда предприятия. Строить намечалось подрядным способом по типовому проекту.

Тут-то и начались мытарства. В ноябре 1961 года строительное управление 342-го треста «Юговосттрансстрой» приступило к рытью котлована, но, освоив одну тысячу рублей, работы прекратило. В апреле 1962 года был заключен договор с другой подрядной организацией — строительным управлением 4-го треста «Тамбовоблстрой». Но опять-таки из-за того, что объект не был включен в план, а следовательно, не был обеспечен строительными материалами, подрядчик освоил лишь четыре тысячи рублей и работы прекратил.

Уже три года тянется переписка, растут папки исписанных бумаг, просьб, жалоб. Однако и по сей день стоит открытый котлован с небольшим участком выложенных подвальных стен. Подрядчика нет, детсад не строится. Долго ли будет так продолжаться?

В. ГЛАДЫШЕВА, Л. ВОЛОКИТИНА,
Н. ХАРИТОНОВА, И. БЛИНОВА,
члены женсовета Паровозоремонтного завода

г. Мичуринск.

— У вас новый директор столовой?
— Как видите. Та была брюнетка, а эта — блондинка.

Рисунок Д. Белова.

УХОД ЗА ЛИЦОМ

Фото Н. Маторина.

Много в редакционной почте журнала писем, авторы которых интересуются косметикой. Они спрашивают: «Каким кремом пользоваться? Как бороться с морщинами? Как избавиться от угрей?»

Правильный уход за кожей и соответствующие косметические средства врач может назначить, зная, какая у вас кожа: нормальная, сухая, жирная, а быть может, и смешанная.

Тем женщинам, кому трудно попасть на прием к специалисту, надеемся, помогут наши советы.

НОРМАЛЬНАЯ КОЖА имеет приятный матовый тон, бархатистая на ощупь, потому что в ней достаточное количество жира и влаги. Такой коже очень полезно ежедневное утреннее умывание холодной водой. Холодная вода бодрит, закаляет от воздействия мороза, ветра, дождя и солнца.

Сразу же после умывания еще на влажную кожу рекомендуем нанести тонким слоем питательный крем «Восторг», «Атласный», «Огни Москвы» или другой с указанием «Для нормальной и сухой кожи». На крем можно положить пудру. Сейчас модны тональные пудры: розовая, персиковая, цвета загара.

Вечером, перед сном, следует очистить кожу жидким питательным кремом «Утро» или «Рассвет». При желании умывание можно перенести на вечер, после работы (особенно если работа грязная), а утром протереть ли-

цо жидким кремом или лосьоном.

Один раз в неделю полезно мыть лицо теплой водой с мылом. Для нормальной кожи подойдет мыло «Детское», «Косметическое», «Бархатное», «Спермацетовое», «Русский лес», «Красная Москва».

СУХАЯ КОЖА выглядит тонкой, прозрачной. Часто после умывания она шелушится, на воздухе легко обветривается, покрывается трещинами. На сухой коже рано появляются морщины. Если за ней не ухаживать, кожа станет бледной и вялой. Сухая кожа не любит резкой смены температур. Умываться лучше всего холодной кипяченой водой, добавив в нее буры на кончике нога. Ни в коем случае нельзя протирать лицо спиртовыми лосьонами: для сухой кожи это вредно. Так же как и при нормальной коже, после умывания рекомендуется нанести на лицо и шею питательный крем. Наносить крем нужно всеми пальцами, не растирая, а как бы вдавливая его в кожу. Растирание ведет к растяжению кожи и способствует образованию новых морщин.

При вялой, дряблой коже на ночь крем наносят влажным способом. Делается это так: смочить в соленой воде (1 чайная ложка соли на стакан воды) ватный тампон, отжать и, набрав немного крема, вбить его в кожу лица и шеи.

Истати, об уходе за шеей. Нередки случаи, когда у

женщины лицо совсем молодое, а на шее уже морщины, из-за этого выглядит она старше своих лет, стесняется носить открытые платья, закрывает шею глухими воротом. Как защитить кожу шеи от преждевременного старения? Все рекомендации по уходу за кожей лица — умывания, кремы, солевые растворы — относятся и к шее. Наносить крем на шею нужно охватывающим, давящим движением ладони снизу вверх впереди и сверху вниз — по бокам. Не следует брать крема слишком много. Если кожа увядает, крем наносят ватным тампоном, смоченным в солевом растворе.

Пигментные пятна протирают соком лимона.

Чтобы сохранить упругость кожи шеи, предупредить образование двойного подбородка, нужно ежедневно делать специальную гимнастику: резкий поворот шеи направо, затем налево, наклоны вперед, назад; круговые движения головой. Очень полезно и такое упражнение: откинуть голову назад и постараться завести нижнюю челюсть на верхнюю. Каждое упражнение делать по десять раз.

Не следует долго сидеть, опустив голову на грудь, спать на очень высокой подушке. От этого на шее закладываются глубокие поперечные складки. Во время ходьбы надо держать голову прямо.

ЖИРНАЯ КОЖА выглядит пористой, похожа на лимонную корку. Если к лицу приложить бумажную салфетку, то на ней останется саленое пятно. Тем, у кого жирная кожа, надо умываться по утрам холодной водой с мылом («Детское», «Борнотимоловое», «Красный мак»). Кроме того, в течение дня один-два раза умыться горячей водой с мылом, а затем непременно сполоснуть лицо холодной водой и вытереть насухо. Из питательных кремов для жирной кожи хороши «Идеал», «Лимонный», «Московский», «Снежинка», «Снегурочка». Вечером рекомендуется протирать лицо лосьонами «Артина», «Старт», туалетным уксусом или просто ломтиком лимона.

На жирной коже часто появляются угри, доставляющие женщине немало хлопот и огорчений. Причина появления угревой сыпи, как правило, — нарушение обмена веществ. Поэтому рекомендуются занятия спортом, гимнастика. Особенно важно следить за состоянием работы кишечника.

В настоящее время лечение угревой сыпи эффективно проводят в косметических лечебницах. Но и в домашних условиях можно добиться неплохих результатов, если проявить терпение и настойчивость. Необходим длительный прием поливитаминов с обязательным включением никотиновой кислоты. Принимать по одной таблетке три раза в день после еды в течение двух месяцев. Появление на теле и лице после приема таблеток красных пятен, чувство зуда и жжения не должны вызывать беспокойства: через 20—30 минут все пройдет. Как правило, такая реакция происходит, если принять таблетку до еды.

При обильной угревой сыпи в течение 2—3 недель, пока высыпания носят островоспалительный характер, лицо мыть нельзя. Вместо умывания рекомендуется протирать лицо перед сном спиртовым раствором, содержащим серу, а утром легкими припудривающими движениями протереть кожу пятипроцентным синтомициновым или пятипроцентным левомицетиновым спиртом, рецепты которых можно получить у местного врача по кожным болезням.

Такое лечение надо проводить в течение двух-трех месяцев до полного исчезновения угревой сыпи.

После трех недель можно начать умываться обычной водой из-под крана, но без мыла, один раз в день перед сном. Вытерев лицо полотенцем, слегка протереть спиртовым раствором с серой. Утром по-прежнему вместо умывания — спиртовые протирания.

После того как вся сыпь исчезнет, на лице надолго остаются синюшно-коричневые пятна. В этих случаях рекомендуется вечером перед сном умыть лицо холодной водой с мылом, насухо вытереть и протереть двухпроцентным салициловым спиртом и каждое пятнышко смазать белящей мазью, рецепты которых также следует получить у врача-дерматолога. Вместо утренних умываний по-прежнему протирать кожу лица пятипроцентным синтомициновым или левомицетиновым спиртом. Лечение проводить до полного исчезновения пятен. И только когда угревая сыпь и пятна полностью исчезнут, можно начать обычный уход за жирной кожей.

У многих кожа носа, лба, подбородка, середины щек бывает жирной, а вокруг глаз — почти всегда сухой. О таких людях говорят: у них кожа смешанная.

Ухаживая за такой кожей, нужно учитывать ее двойственный характер и применять к каждому участку лица соответствующие средства.

Часто читательницы спрашивают, можно ли менять кремы или лучше выбрать для себя один, постоянный и все время употреблять только его. Мы рекомендуем чередовать кремы, чтобы кожа не привыкла к одному и тому же средству, отчего его действие снижается.

Прежде чем нанести крем на лицо, необходимо растереть его между пальцами, пока он не станет мягким и нежным, тогда он лучше впитается в кожу.

Лосьоны и маски из овощей и фруктов очень полезны для любой кожи. Протирание соком свежего помидора, огурца, моркови, дыни, яблока и любым другим прекрасно питает кожу, делает ее свежей, упругой.

На сухую кожу сою наносят на тонкий слой крема, через 20 минут смывается, и кожа снова покрывается кремом. При жирной коже сою наносят прямо на лицо.

И. КОЛГУНЕНКО,
И. ГРОМ-ВРУБЛЕВСКАЯ,
Л. ДРАНОВСКАЯ,
врачи-косметологи

Стиль жизни

• Если вязальные спицы изогнулись, опустите их в кипяток и подержите до тех пор, пока вода не остынет. После этого спицы можно выпрямить.

• Щели в паркетном полу можно заделать пастой, приготовленной из древесных опилок, смешанных с масляным лаком (вязкость должна быть как у оконной замазки). Опилки предварительно надо просеять через сито, подкрасить в нужный цвет красителем для пола и высушить. Отремонтированные участки пола зачистить сначала грубой, затем тонкой шкуркой.

• Чтобы расправить смявшийся полихлорвиниловый плащ, намочите его в горячей воде и повесьте на плечики. Плащ станет как новый.

• Чтобы «закалить» стаканы, уложите их в кастрюлю с водой, проложите между ними бумагу, и поставьте на огонь. Когда вода закипит, снимите кастрюлю, но стаканы не вынимайте до тех пор, пока вода не остынет.

• Если поверхность электрического утюга стала шершавой, протрите ее ватой, смоченной в нашатырном спирте, затем выключите утюг и прогладьте им влажный кусок ткани. Утюг станет чистым и снова будет хорошо скользить по белью. Такого же эффекта можно достичь, если протереть его мелкой солью.

• Положите в чемодан тюбик ментола, это предохранит вещи от моли.

Рисунки В. Житникова.

Справочник для женщин

Куда надо обратиться с заявлением о назначении пенсии? Как разрешаются споры между родителями о воспитании детей? В каких случаях может быть произведен раздел жилой площади?

На эти и другие вопросы, связанные с трудом и бытом советских женщин, можно найти ответы в «Справочнике женщины-работницы», изданном в 1963 году Профиздатом.

Пользоваться этим справочником очень просто и удобно: он имеет алфавитно-предметный указатель консультаций по тому или иному вопросу.

Первый раздел справочника — «Советские женщины — активные строители коммунизма» — рассказывает об успехах наших женщин в производственной и общественно-политической жизни страны. Много полезных сведений найдут тут пропагандисты и агитаторы.

Затем идет раздел о трудовых правах женщин в СССР. В нем объясняется порядок приема на работу, перевода на другую работу, предоставления очередных и дополнительных отпусков, различные случаи увольнения и т. д. Подробно разъяснены законы об охране труда беременных женщин и кормящих матерей.

А те, кто готовится уйти на заслуженный отдых, узнают из справочника, что надо сделать и куда обратиться, чтобы пенсия была назначена своевременно.

Справочник рассказывает о важных положениях советского законодательства о браке и семье, о государственной охране материнства и детства, о различных формах помощи государства в воспитании детей.

В специальном разделе подробно освещены вопросы жилищного и наследственного права.

И. ЯХНИНА,
юрист

«Человек снова слышит»

Исправился.
Рисунок Д. Белова.

В очерке А. Присса «Человек снова слышит», опубликованном в 5-м номере «Работницы», содержались критические замечания о том, что в стране еще слишком мало клиник, где делаются операции при отосклерозе, не хватает специальных оптических приборов и инструментария.

На эти замечания откликнулось Министерство здравоохранения СССР.

«Операции на стремени по поводу отосклероза, — пишет в своем письме в редакцию начальник Управления специализированной медицинской помощи, член коллегии министерства тов. А. Г. Сафонов, — сейчас производится в большинстве крупных отоларингологических стационаров как в республиканских, так и в областных центрах страны.

Для внедрения этого метода в широкую практику проводится большая работа по обучению врачей-отоларингологов. Созданы специальные курсы при кафедре уха, горла и носа Центрального института

усовершенствования врачей, ведется подготовка врачей в научно-исследовательских институтах отоларингологии Москвы, Ленинграда, Киева, на соответствующих кафедрах медицинских институтов: московских, ленинградского, тбилисского. Опыт хирургического лечения тугоухости при отосклерозе систематически обсуждается на заседаниях научно-медицинских обществ и на сессиях институтов. С докладами выступают не только научные работники институтов и кафедр, но и практические врачи. В настоящее время научно-исследовательские институты и кафедры работают над дальнейшим усовершенствованием методики операции.

Принимаются меры по созданию и усовершенствованию отечественной аппаратуры. Заводом «Красногвардеец» в Ленинграде освоено производство хирургического микроскопа. Создан оптический прибор-осветитель к нему. Конструируется новый микроскоп — с большим увеличением».

1. Пальто-бушлат из синей полушерстяной ткани для мальчика дошкольного возраста. Металлические пуговицы и вязаный бело-синий шарфик придадут ему совсем «морской» вид.

2. Для девочки 5—7 лет рекомендуем сделать пальто из цветной (голубой, зеленой, красной, серой) плащевой ткани с подкладкой из немаркого ситца с мелким рисунком.

3. Более теплое пальто для девочки. Воротник и низ рукавов с изнанки отделаны шерстяным трикотажем. Фасон пальто (кокетка, строчные линии спереди и сзади) позволяет переделать пальто из старых маминных или папиных вещей. Для отделки тоже найдется в доме старая шерстяная кофта или платок.

4. В этой куртке для мальчика-школьника также использованы трикотажные остатки. Из них сделаны рукава и шалевый воротник. Сама куртка может быть сделана из шерстяной, полушерстяной или бумажной ткани. По низу спинки широкая резинка. Брюки из плотной хлопчатобумажной ткани. Они отделаны декоративной строчкой — толстой белой или цветной ниткой.

5. Куртку для школьницы можно сделать из шевота, плащевой или полушерстяной ткани. Подкладкой служит штапельная шотландка, пришитая в край (выворотная), благодаря чему воротник получается из ткани подкладки. Можно сделать берет из этой же ткани в клетку.

6. Пальто из цветной плащевой хлопчатобумажной ткани. Воротник, полочки, карманы, низ рукавов и подол отделаны черной строчкой. Подкладка — черная саржа — простегана вместе с ватином на машине нитками в цвет верха пальто.

7. Куртка для мальчика-школьника. Верх, подкладка и один слой ватина вместе прострочены цветной ниткой. Воротник, планку по борту и манжеты строчить не надо.

8. Такая курточка может быть и для мальчиков и для девочек любого возраста. В рукав вшита ластовица, бочок подрезной.

Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.

На первой странице обложки: Анна Ивановна Тищенко, Герой Социалистического Труда, ведущий конструктор, председатель женского совета Новокраматорского машиностроительного завода.

Фото Н. Маторина.

На четвертой странице обложки: Осень. Фотоэтиюд А. Осипова.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки детской одежды.

— Говорила, не покупай детям акваланг!
Рисунок А. Грунина.

«Дети требуют заботы»

Под такой рубрикой в № 4 журнала «Работница» были опубликованы письма из разных мест.

В заметке «Это не чепуха!» говорилось о плохом качестве строительства детских садов в г. Мытищи, Московской области. Начальник Мытищинского СМУ тов. Финогенов сообщил редакции, что в детском саду № 57 строители устранили все недоделки.

Капитальный ремонт произведен и в детском са-

ду № 14, о чем известил нас заместитель директора «Промэнерго» тов. Бармин.

В заметке «Кто решит вопрос?» группа родителей из г. Фрунзе писала о необходимости продлить время пребывания детей в детском комбинате № 86. Заведующий Фрунзенским горно тов. Глуценко сообщил, что в детском комбинате открыта группа продленного дня. Теперь дети могут находиться здесь 12 часов.

— Вот отпразднуют твой день рождения, тогда и спать пойдешь...
Рисунок А. Грунина.

Главный редактор — В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия: Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, К. Ф. ДРОЖЖИНА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА [зам. главного редактора].

Оформление художника Г. Горстиной.

Рукописи не возвращаются.

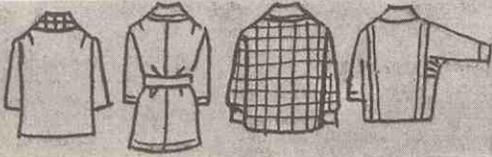
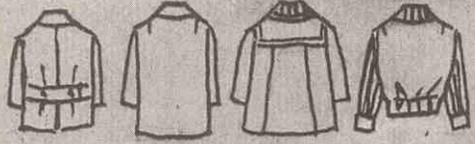
Технический редактор — А. Шагарина.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-34-79, отд. писем — Д 3-34-15.

А 04368. Подписано к печати 11/IX 1963 г. Тираж 4 000 000 экз. Зак. № 1943. Изд. № 1658. Формат бум. 60×92½. 2,75 бум. л. — 5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

ОДЕЖДА ДЛЯ ДЕТЕЙ

4

5

6

7

8

1

2

3

